

ХИМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА ХРИСТИАНА РОЗЕНКРЕЙЦА В ГОДУ 1549

Опубликовано Валентином Андреа в 1616 г.
[Перевод в некотором сокращении]

BODAS ALQUIMICAS DE CHRISTIAN ROSACRUZ

День первый

В канун Пасхи я сидел за столом в своем доме на вершине холма, готовя свое сердце к празднеству следующего дня, как вдруг поднялась ужасная буря, казалось, весь холм, на котором стоял мой дом, вот-вот развалится на части.[1]

Я испугался, подумав, что это, должно быть, еще один трюк дьявола, причинившего мне немало зла, и тут вдруг почувствовал, будто меня дергают сзади за платье. В ужасе я оглянулся и тут увидел прекрасную восхитительную Деву[2] в небесно-голубом одеянии, усеянном золотыми звездами и с большими красивыми крыльями, имевшими множество глаз. С помощью этих крыльев она могла подниматься вверх. В правой руке она держала золотую трубу, а в левой — большую пачку писем, на всех языках, которые она должна была разнести по всем странам.

Из этой пачки писем она выбрала одно и почтительно положила его на стол. Затем без единого слова она расправила крылья и улетела вверх, издав на своей трубе прекрасной такой могучий звук, что добрую четверть часа после этого весь холм отзывался на него эхом.

Со страхом и дрожью я взял письмо. Оно оказалось таким тяжелым, как будто все состояло из золота. Маленькая печать скрепляла его, а на ней был оттиснут необычный крест с надписью: "В этом знаке — победа"[3] Это принесло мне величайшее утешение, так как я знал, что этот знак был мало приятен и менее того полезен дьяволу.

В письме я обнаружил стихи, написанные золотыми буквами на лазурном фоне:

*День этот, этот, этот день,
Есть королевской Свадьбы день.
Если ты рожденьем и выбором Бога
Приглашен на это празднество,
То возрадуйся!
Тотчас иди на гору,
Где стоят три величественных храма,*

*И узри там все от начала до конца.
Вначале тщательно проверь себя:
Пусть тот, кто весит слишком
Мало, остережется.
Ни одного гостя не потерпит эта Свадьба
Кто не хранит бдительность и нечист.*

По мере того, как я читал эти предостережения, волосы мои вставали дыбом. Семь лет тому назад я узнал, в видении, что буду приглашен на Королевскую Свадьбу, и теперь, когда я определил положение планет, то убедился, что в самом деле наступило указанное тогда время. Но когда я исследовал себя, как получившего приглашение, и узрел свое невежество в мистических вещах, свое угождение плоти, свои построения величавых дворцов в воздухе и тому подобные чувственные замыслы, то был так потрясен своим ничтожеством, что заколебался между надеждой и страхом. Непонятные слова о трех храмах также огорчили меня.

Наконец я обратился к моему доброму ангелу с просьбой, чтобы он во сне направил меня по правильному пути, и уснул.

Во сне я обнаружил себя в мрачной темнице, скованным одной цепью со множеством компаньонов, пытающихся разорвать свои цепи и карабкающихся как пчелы один на другого. Когда вскоре мы услышали звуки труб и литавр и в открывшуюся темницу проник маленький лучик света, я умудрился ускользнуть от своих компаньонов и приподнять себя на валун возле стены темницы.

Затем у края отверстия появился старик со снежно-белыми локонами. Призвав к тишине, он объявил, что по милости его Древней Матери[4] к нам будет семь раз спущена веревка. Если кто-нибудь из нас сможет ухватиться за нее, то он будет поднят наверх и получит свободу.[5]

Когда слуги Древней Матери спустили веревку, я никак не мог дотянуться до нее, а на кутерьму остальных было жалко смотреть. Через семь минут зазвонил маленький колокольчик, и веревка была вытянута наверх с четырьмя человеками, уцепившимися за нее. Снова и снова спускалась веревка, и каждый раз еще несколько человек вытаскивалось наверх; уже освобожденные помогали слугам тянуть.

На седьмой раз веревка качнулась в сторону, и мне удалось схватиться за нее, но когда веревку потянули вверх, я ударился головой об острый камень и начал истекать кровью, однако, несмотря на безнадежное положение, меня все же вытянули.

Затем темница снова закрылась, и мы, поднятые наверх, были освобождены от наших оков, а наши имена были записаны на золотую табличку. Потом мы поблагодарили Древнюю Мать за свое освобождение и начали прощаться с ней, каждому из нас был дан для расходов кусок золота. На одной его стороне было изображено восходящее солнце, на другой стороне стояли буквы D.L.S.[6]

Что касается меня, то я едва мог двигаться из-за ран, оставленных на моих ногах цепями. Древняя Мать, видя это, сказала мне:

"Сын мой, пусть эти раны не тревожат тебя, но благодари Бога, позволившего тебе даже в этом мире вступить в такой высокий свет. Сохрани эти раны в память обо мне".

Проснувшись, я обдумал свой сон и понял из него, что Бог удостоил меня правом присутствия на этой мистической и тайной Свадьбе. Я облачился в белые полотняные одежды, накинул на плечи кроваво-красный плащ, завязав его крестообразно,[7] а к шляпе прикрепил четыре красных розы. Затем я взял хлеба, соли и воды,[8] и радостный, отправился в путешествие.

День второй

Переполненный радостью окружающей природы, я шел, напевая, через лес, направляясь к зеленой степи, где стояли три высоких кедра. На одном из них была прикреплена табличка, предлагавшая выбрать один из четырех путей на Свадьбу.

Первый из них был описан как короткий, но опасный, ведущий в каменистые, едва проходимые места. Вторым был длинный, но легкий. Третий путь был королевский, которым мог следовать лишь один из тысячи. Четвертым был путь, окруженный огнями и облаками, доступный только очищенным телам.[9]

Табличка предупреждала также, что если однажды мы ступили на один из этих путей, то возврата уже не будет, и что если мы знаем за собой хотя бы маленький недостаток, то нам лучше не идти дальше.

Перед этими страшными предупреждениями я опустился на землю у основания дерева в большом вопнении духа. Так я сидел, сбитый с толку, обдумывая, вернуться ли, а если нет, то какому пути следовать, и, вынув из сумки кусок хлеба, начал его есть.

Вдруг сидевший в ветвях снежно-белый голубь спорхнул вниз и очень смело приблизился ко мне. Я охотно разделил с ним свой кусок хлеба. Но на голубя ринулся черный ворон. Голубь пытался найти спасение в полете, ворон устремился за ним, а я за вороном.

Когда я прогнал ворона прочь, то вспомнил о сумке и хлебе, оставленных подле кедра. Но когда я обернулся, чтобы идти искать их, то поднялся такой сильный встречный ветер, что едва не свалил меня с ног. В то же время ничто не препятствовало мне идти вперед. Осматриваясь вокруг, я обнаружил, что уже ступил на один из четырех путей — на длинный окольный путь[10]

Так что весь этот день я шел этой дорогой, стараясь не сбиться ни влево, ни вправо. Путь сам по себе был настолько тернист, что я не раз сомневался в нем, но голубь летел прямо на юг и с его помощью я шел прямо по указанному пути. Наконец перед самым заходом солнца я заметил величественный портал, стоявший вдали высоко на холме. Я ускорил шаги, чтобы достичь его до наступления темноты.

Когда наконец я дотащился до портала, то от него навстречу мне выступил почтенный мужчина в небесно-голубых одеждах и представился мне как Страж Врат. Он спросил у меня письмо и Приглашение. С какой радостью я представил его!

Когда Страж услышал мое имя и узнал, что я брат Розы Креста, он удивился и, казалось, очень обрадовался. Он обошелся со мной с большим уважением и сказал: "Войди, брат мой, желанный

гость ты для меня!"

В обмен на мою бутылку воды Страж дал мне золотой жетон и запечатанное письмо для Стража Вторых Врат. Он также попросил меня, чтобы я вспомнил о нем, когда это окажется для меня полезным.

Сгущались сумерки. Прекрасная Дева[11] в небесно-голубом одеянии и с чудесным факелом в руке начала зажигать фонари вдоль дороги к внутренним Вратам. Я поспешил дальше, но был напуган ужасным львом, сидевшим на цепи и загородившим мне дорогу. Как только он увидел меня, тут же поднялся и двинулся ко мне со страшным рыком.

Тут проснулся Страж, спавший на мраморной плите. Он отогнал льва и, прочитав запечатанное письмо, приветствовал меня с величайшим уважением, воскликнув: "Во имя Бога, добро пожаловать ко мне, человек, которого я уже давно рад видеть!"

В обмен на мою соль этот Страж дал мне другой золотой жетон.

К этому времени сумерки еще более сгустились и в Замке зазвонил колокол. Страж посоветовал мне быстрее бежать дальше, иначе я не успею достичь Врат, лежащих глубоко внутри, до того, как они закроются на ночь. Огни вдоль тропы стали гаснуть, и я был благодарен факелу Девы, ведущему меня сквозь темноту. Как только я вошел в Третьи Врата, ступая почти по пятам Девы, они так быстро захлопнулись, что прищемили часть моей одежды. Она так и осталась там, потому что мне не удалось уговорить Стража вновь открыть Врата.

Третий Страж записал мое имя в маленькую книжечку из тонкого пергамента и дал мне третий золотой жетон и пару новой обуви, потому что пол в Замке был из чистого, сияющего мрамора. Свою старую обувь я отдал нищему, сидевшему рядом с Вратами.

Два пажа, держа по факелу в руках, ввели меня в Замок и оставили одного в маленькой комнатке, где, к моему ужасу, незримые парикмахеры срезали у меня на макушке волосы, оставив висеть остальные седые локоны. Срезанные волосы были аккуратно собраны и унесены невидимой рукой.

Зазвонил колокольчик. Два пажа, светя факелами, повели меня через множество дверей по вьющимся лестницам в просторный зал, где было множество гостей — императоры, короли, принцы, лорды, знатные и не знатные, богатые и бедные, люди всех сортов, среди которых кое-кого я хорошо знал и не имел никаких оснований уважать. Последние, когда я спросил их, каким путем они попали сюда, рассказали, что вынуждены были карабкаться по камням.[12]

Вскоре, когда зазвучали трубы, приглашавшие нас на пир, именно эти люди захватили почетные места, так что для меня и еще нескольких огорченных остался лишь маленький уголок за самым нижним столом. Но зато возле меня сидел прекрасный спокойный человек, чудесно рассуждавший о великолепных предметах.

Затем было внесено мясо и невидимыми руками роздано гостям, причем сделано это было очень искусно. Когда один из гостей похвастался, что видит этих слуг, то один из них так славно съездил кулаком по его лживой морде, что не только он, но и многие примолкли как мыши.

Люди похотливого сорта, захмелев, начали хвастаться своими способностями — один слышал ритмы небес, другой видел идеи Платона, третий мог сосчитать атомы Демокрита. Один старался доказать это, другой — то, а в целом наиболее жалкие идиоты шумели громче всех.

Среди этого шума и крика я проклинал день, когда решился прийти сюда. Я подумал, что Новобрачный поступил бы благоразумно, выбрав других дураков вместо меня на Свадьбу. Но так было только сначала.

Вдруг послышались чудесные мелодии. Музыка заиграла громче и была так торжественна, как будто предшествовала выходу римского императора. Сама собой открылась дверь, и в зал вошли тысячи пажей, марширующих с зажженными тонкими свечками. За ними скользил по воздуху позолоченный трон, где сидела Дева, светившая мне факелом на пути к Замку. Вместо небесно-голубых на ней были белоснежные одежды, сверкавшие чистейшим золотом.

Она приветствовала нас от имени Невесты и Жениха и предупредила, что на следующее утро мы все будем взвешены для выявления достойных присутствовать на Свадьбе. Каждый, кто чувствует себя достойным, будет сейчас препровожден в свою спальню, все сомневающиеся должны провести эту ночь в зале.

Когда Дева отбыла на своем парящем в воздухе троне, свечи, несомые невидимыми руками, проводили уверенных в себе к их постелям. Только я и еще восемь человек остались в зале, среди них мой застольный компаньон. Часом позже в зал пришли пажи, связали всех девятиерых веревками и оставили нас в темноте и беспокойстве, оплакивающими самонадеянность, с которой мы приняли приглашение на Свадьбу.

Ночью мне приснилось, что я стою на высокой горе, возвышающейся над обширной долиной, в которой было множество повешенных. Одни висели выше, другие — ниже на своих веревках. Глубокий старик летал среди них и перестригал ножницами ве-

ревки. Висящие низко над землей падали мягко, висящие высоко с позором летели вниз. Это зрелище развеселило меня до глубины души и в приступе смеха я проснулся.

День третий

На рассвете все, считавшие себя достойными, снова пришли в зал, где мы лежали связанными. Фанфары возвестили о приходе Девы. Она явилась в красном бархате, опоясанная белым шарфом, и с зеленым лавровым венком на голове.[13]

Ее сопровождали двести вооруженных рыцарей в красных и белых плащах. Она велела развязать нас и посадить на места, с которых будет хорошо видно все, что произойдет в дальнейшем. Увидев меня, она улыбнулась и воскликнула: "Бедняга! Вы тоже подчинили себя рабству? Я полагала, что вы уже достойно очистили себя!"

Затем были внесены огромные золотые весы и подвешены в середине зала. Возле них поместили маленький столик, накрытый красной скатертью. На столик поставили семь гирь: одну большую, четыре поменьше и две, каждая из которых была больше всех предыдущих. Рыцари разделились на семь групп, командиру каждой группы был поручен надзор за одной из гирь.[14]

Полный достоинства император был первым, кто ступил на весы. Рыцари одну за другой положили гири. Первые шесть он выдержал, но когда положили седьмую, его чаша была перевешена, после чего его связали и передали с великой мукой шестой группе рыцарей. Один за другим были взвешены все остальные императоры и их всех постигла участь первого, за исключением последнего, непоколебимо выдержавшего все до конца и, казалось, что если бы были еще гири, они все равно не смогли бы его перевесить.

Дева встала, поклонилась ему и дала мантию из красного бархата и лавровую ветвь, а затем посадила его на ступень у своего трона.

Затем все остальные были по очереди взвешены. Из каждой категории один, самое большее два, выдерживали испытание, а чаще ни одного. Каждый выдержавший награждался красной бархатной мантией и лавровой ветвью и садился на ступени у трона Девы.

Теперь настала наша очередь, — тех, кто спал в зале. Из нас только мой компаньон и я выдержали все гири. Мой компаньон держался так мужественно, что все даже заплодировали ему, и Дева проявила к нему наиболее глубокое уважение. Когда наконец, весь дрожа, ступил на весы я, то мой компаньон, уже сидевший в мантии на ступени, дружески взглянул на меня, и сама Дева улыбнулась мне.

Я так легко перевесил все гири, что Дева велела стать на другую чашу весов троем рыцарям в полном вооружении. Тогда на нее влез один из пажей, и я выдержал их всех, и он громко крикнул: "Это он!"

Поскольку я оказался самым тяжелым, Дева позволила мне освободить по своему выбору одного из пленных. Я выбрал первого императора. Его тотчас же развязали и со всяческим уважением усадили возле нас. Между тем Дева заметила у меня в руках розы, которые я взял из своей шляпы, и через своего пажа любезно попросила их у меня. Я тут же охотно послал их ей.

К 10 часам утра мы все были взвешены. Затем последовал завтрак, во время которого мы в своих красных мантиях сидели за высоким столом, накрытым также красным бархатом и уставленным кубками из чистого серебра и золота. Тут же два пажа от имени Новобрачного подарили нам эмблемы Золотого Руна и Летающего Льва.[15]

Невидимые раньше служители стали теперь видны для нас, что бесконечно радовало меня. Для остальных, не выдержавших испытание и теперь сидевших за нижними столами, служители по-прежнему были невидимы.

Когда с едой было покончено, и золотой кубок, присланный Новобрачным, обошел круг, мы, новые рыцари Золотого Руна, сидевшие на ступенях у трона Девы, были приглашены в сад, чтобы посмотреть на тех, кто потерпел неудачу. Дева повела нас по извивающимся лестницам в галерею. Но как там вел себя по отношению ко мне освобожденный мною император, я не могу поведать, остерегаясь злословия.

Теперь Дева, которая принесла мне приглашение и которую я с тех пор не видел ни разу, выступила вперед. Она подняла трубу, протрубила один раз и объявила приговор тем гостям, которые были признаны недостойными: тем, кто был лишь с трудом перевешен гирями, разрешается выкупить себя золотом и драгоценностями и удалиться с достоинством, испив при выходе глоток Забвения. Те, кто оказались более легкими, будут раздеты и отсланы прочь голыми. Еще более легкие будут бичеваны розгами и кнутами. Те, кто оказались обманщиками и никогда не получали приглашения, будут лишены жизни мечом или петлей.

Наблюдая исполнение приговоров, я почувствовал, как мои глаза застилают слезы.[16]

Наконец переполненный сад опустел, и наступила тишина. В этой тишине осторожно ступал снежно-белый единорог с золотым ошейником. Он преклонил колени перед львом, стоявшим в фонтане с обнаженным мечом в лапе. Лев сломал меч и осколки его упали в фонтан, затем он заревел и ревел до тех пор, пока к

нему не подлетел снежно-белый голубь с оливковой ветвью в клюве. Лев пожрал ветвь и успокоился. Единорог с радостью вернулся на свое место, а Дева в это время повела нас назад, вниз по извивавшимся лестницам.[17]

Когда мы вымыли в фонтане головы и лица, то каждому из нас дали по богато одетому ученому пажу, способному вести разговор на любую тему. Они отвели нас снова в Замок и показали картины, сокровища и древности, имевшиеся в нем. Многие занялись копированием картин, а меня, кому был дан паж необычайной силы, повели с моим компаньоном в обычно хранимые в тайне комнаты Замка, ключи от которых были вверены моему пажу.

Там, в продолжении нескольких часов, мы созерцали сокровища — Королевскую Гробницу со знаменитым Фениксом[18] и великолепную библиотеку. Когда пробило семь, я все еще был захвачен увиденным, хотя и испытывал позывы голода.

Когда Король прислал своего пажа за ключами, нам показали ценный часовой механизм, отрегулированный в соответствии с ходом планет, а затем огромный земной глобус, на котором мы нашли наши родные земли отмеченными маленькими золотыми кружочками; мы увидели, что наша компания собрана со всех концов света.

Глобус внутри был пустой, и мы могли сесть в него и созерцать звезды. Они сверкали в такой гармоничной последовательности и двигались так величаво, что, засмотревшись на них, я не думал вылезать из глобуса, пока паж не сказал обо мне Деве и она не упрекнула меня за опоздание к ужину — я сел за стол почти последним.

За ужином, когда все повеселели от вина, Дева стала каждому предлагать загадки, которые мы не могли отгадать. Например, она рассказала такую: "У нас с сестрой есть орел, за которым мы ухаживаем. Однажды мы вошли в спальню и увидели его с лавровой ветвью в клюве. У меня в руках тоже была лавровая ветвь, а у сестры не было. Орел подошел к ней и отдал ей свою, затем подошел ко мне и попросил, чтобы я отдала ему свою. Скажите, кого он любит больше, меня или мою сестру?"

Дева так просто вела себя, что я отважился спросить ее имя. Улыбнувшись на мое любопытство, она ответила:

— Мое имя содержит в себе 6 и 50, однако состоит только из 8 букв. Третья буква есть третья часть пятой, которая, будучи сложена с шестой, образует число, сумма цифр которого превышает третью ровно на величину первой и которое есть половина четвертой. Пятая и седьмая равны, так же как первая и последняя. Первая и вторая равны в сумме шестой, которая на четыре больше, чем утроенная третья. Теперь скажите, как меня зовут?"

Такой вопрос был слишком сложным, но я не прекратил расспросов и сказал: "О благородная и добродетельная Госпожа, не могу ли я узнать хоть одну букву?"

— Да, — сказала она, — это можно.

— Тогда чему равна седьмая буква? — продолжал я.

— Она равна, — ответила она, — числу присутствующих здесь.

Зная это, я легко разгадал ее имя, чем она была весьма довольна.[19]

Потом она пригласила нас на церемонию Подвешивания гирь. В сопровождении шести прекрасных дев со светильниками вошла величественная Герцогиня, еще менее земная, чем наша Дева. Она смотрела на небо больше, чем на землю. Мы все приняли ее за Новобрачную, но ошиблись, хотя по величию она намного превосходила невесту и впоследствии руководила всей Свадьбой-[20]

Она сказала мне: "Ты получил больше, чем другие. Смотри, с тебя больше и спросится".

Это поучение показалось мне очень странным.

Хотя весы были уже вынесены из зала, гири все еще стояли на маленьком столике. Герцогиня велела каждой деве взять по одной гире, а нашей Деве — самую большую и тяжелую. Затем вся процессия удалилась в семь часовен. В первой из них повесила гирю Дева, а в шести других остальные девы. Во всех часовнях под руководством Герцогини мы пропели гимн и помолились за благословение Королевской Свадьбы.

Затем каждый из нас был отведен пажом в богато убранную спальню. Сами пажи, на случай, если нам что-нибудь понадобится ночью, улеглись на соломенные тюфяки подле наших кроватей. Это была первая ночь, когда я спал спокойно, хотя гнусный сон мешал мне отдохнуть: в тревоге я пытался открыть дверь, но не мог. Наконец мне это удалось.

День четвертый

На следующее утро я проспал завтрак. Меня не решились будить ввиду моего возраста. Но я быстро оделся и поджидал остальных в саду возле фонтана.

Лев в фонтане держал сегодня табличку вместо сломанного меча, где было написано, что водой фонтана принц Меркурий исцеляет все болезни и еще:

*Пусть пьет из меня, кто может.
Пусть умоемся, кто хочет.
Пусть беспокоит меня, кто смеет.
Пей, Собрат, и живи!*

Когда мы все умылись в фонтане и напились воды из золотых чашек, нам дали золоченые одежды, расшитые прекрасными цветами, и новые эмблемы Золотого Руна с висящими на них золотыми дисками в виде солнца и луны на одной стороне и с золотыми надписями на другой:

*Свет луны будет подобен свету солнца, а свет солнца
Будет в семь крат ярче, чем теперь.*

Ведомые нашей Девой, в сопровождении еще шестидесяти дев и музыкантов, одетых в красный бархат, мы поднялись по вьющейся лестнице из 365 ступеней в Королевский зал, где увидели юных Короля и Королеву. Величественно восседали они в невыразимой славе. Весь зал так сиял чистым золотом одежд Королевы, что я был не в состоянии смотреть на это.

Наша Дева представила нас Королю как свадебных гостей. По этому случаю нам приличествовало сказать что-нибудь. Но у нас от страха поприлипали языки. Видя это, старый Атлант — Придворный Астролог, подошел к нам и приветствовал нас от имени Короля.

Юные Король и Королева сели под огромную арку в западном конце зала. На головах у них были лавровые венки, а над головами висели в воздухе большие и дорогие золотые короны. С одной стороны от них сел царствующий древний седобородый Король с прекрасной юной Королевой, с другой стороны — черный Король с изящной, покрытой вуалью пожилой матроной.

Купидон метался взад и вперед. Он то садился между влюбленными, то делал вид, что стреляет в нас. Он был переполнен шалостью и не жалел даже птиц. Девы тоже играли с ним.

Перед Королем и Королевой стоял алтарь, где лежало шесть предметов: книга в черном бархате и в золотой оправе, зажжен-

ная свеча в подсвечнике из слоновой кости, глобус, вращавшийся сам собой, часы со звоном, кристальный фонтан с красной водой и череп, в глазницах которого извивалась то наружу, то внутрь маленькая белая змейка.

Аудиенция окончилась. Заиграли музыканты, нас снова повели по вьющимся лестницам в прежний этаж, где девы исполнили вместе с нами светский танец. Потом мы сопровождали их Высочества к Дому Солнца смотреть комедию. Впереди шла Герцогиня, несшая жемчужное распятие в золотой оправе. Следом за ней шесть дев, несшие предметы с алтаря. Замыкал шествие Атлант — Придворный Астролог.

Комедия началась со сцены, где Король сидел на своем троне. Принесли сундук, найденный плавающим в море. В нем оказалась Принцесса, похищенная Маврами. Король воспитал ее, чтобы выдать замуж за сына, когда он подрастет.

Но Принцесса снова попала в руки Мавров, и на этот раз ее освободил рыцарь. Она была возвращена в родное королевство и там коронована. В третий раз по своей воле она снова попала в руки Мавров, которые раздели ее, бичевали и затем бросили в тюрьму.

Юный Король, обрученный с ней, пошел на войну с Маврами и победил. Он освободил юную Королеву и вернул ей королевство. Затем они поженились. Пьеса закончилась свадебным гимном, призывавшим благословение на Короля и Королеву и молитвой, чтобы от них пошло прекрасное потомство.[21]

Потом мы вернулись на свадебный пир. Королевские персоны были одеты в снежно-белые сияющие одежды, но музыки не было. Юный Король вздыхал, старые Король и Королева были печальны. В воздухе парила гнетущая атмосфера беды, нависшей над всеми нами.

Юный Король взял с алтаря книгу в бархатном переплете с золотыми углами и спросил, кто решится доверить ему вписать свое имя в нее.[22] Мы поднялись и дали согласие. Принесли хрустальный фонтан с красной водой и хрустальную чашу. Каждый из нас выпил из нее Глоток Молчания, как это делается при совершении Мистерий.

Под звон колокола белые одежды были заменены черными, стены также задрапированы черным бархатом. Дева принесла шесть черных шарфов и завязала глаза трем Королям и трем Королевам. В центре зала поставили шесть гробов, а рядом — низкие плахи. В зал вошел черный Мавр с обнаженным топором в руках.

Старого Короля торжественно и почтительно обезглавили. Голову завернули в черную тафту, кровь слили в золотую чашу,

затем все это положили в первый гроб. За первым Королем два других Короля и три Королевы молча покорились той же участи. Черный палач, готовившийся было уйти, был тоже обезглавлен. Его голову и топор положили в небольшую раку.[23]

Мы все рыдали. Дева просила нас сохранить мужество, сказав: — Жизнь этих Королей и Королев находится теперь в ваших руках. Если вы будете следовать за мной, эта смерть произведет немало для жизни.

Она пожелала нам спокойной ночи, пажи проводили нас в спальню. Ровно в полночь я почувствовал яркий свет на воде и увидел в окно семь светящихся кораблей, плывущих к Замку. Над каждым из них вздымалось пламя. Я сразу понял — это духи обезглавленных.

Корабли причалили, к ним сквозь ночь прошла Дева с факелом в руках. За ней служители пронесли шесть гробов и раку, которые разместили на кораблях. Один за другим корабли отплыли, и огни исчезли за горизонтом. Дева вернулась в Замок. Затем я, крайне утомленный, заснул.

День пятый

Рано утром я попросил своего пажа показать мне в Замке что-нибудь необычное. Он привел меня вниз по лестнице в подземелье, к железной двери, где были вырезаны из золота слова: "Здесь похоронена Венера, погубившая множество выдающихся людей".

Затем мы попали в великолепный склеп — Королевскую Сокровищницу, освещавшуюся огромным карбункулом. В центре склепа стоял надгробный памятник трехгранной формы, напоминавший алтарь. Он опирался на быка, орла и льва и был сделан из чистого золота и драгоценных камней. На нем в сосуде из полированной меди стоял ангел, с деревом в руках. С этого дерева в сосуд постоянно падали плоды и превращались в воду, а вода стекала в три золотые чаши.

Затем паж открыл медную дверцу в мозаичном полу и повел нас по темной лестнице. Мы увидели богатую кровать, окруженную прекрасными занавесями. Паж отдернул одну из них, и я увидел Венеру, совершенно обнаженную. Она лежала такая прекрасная, что я едва совладал с собой.

Над головой Венеры висела табличка с золотыми буквами: "Когда все плоды с моего дереварастают, тогда я пробужусь и стану матерью Короля".

Потом мы снова поднялись в Королевскую Сокровищницу и я увидел там свечи из пирита, горевшие чистым пламенем. От них шел жар, расплавлявший плоды, падавшие с дерева, которое держал ангел. Этот жар был причиной того, что вместо упавших плодов постоянно вырастали новые.

Не успели мы вернуться в Сокровищницу, как прилетел Купидон. Он воскликнул, захлопнув медную дверь в усыпальницу Венеры: "Старый непоседливый дед, ты чуть не сыграл со мной гнусную шутку! Ты едва не наткнулся на мою мать!"

С этими словами он раскалил в пламени свечи стрелу и проткнул ею мне руку.

Потом я присоединился к своим братьям в Зале, где Купидон попросил показать ему руку. Увидев на ней каплю крови, он велел ухаживать за мной, дабы я не окончил вскоре свои дни.

Дева в черном бархате повела нас в сад, где было шесть гробниц. Над ними развевался флаг с изображением Феникса. Мы присутствовали при положении шести гробов и маленькой раки в гробницы. Все гости думали, что присутствуют на Королевских похоронах, лишь я думал иначе.

Дева напомнила нам о нашей клятве верности Жениху и пригласила нас плыть на Остров Олимпийской Башни, для изготов-

ления средства возвращения Королевских Персон к жизни. Мы последовали на берег, где стояло семь кораблей. Над пятью из них развивались знаки планет, над одним — изображение земного шара, и над одним — пирамиды. Мы отплыли в следующем порядке:

Впереди А-Пирамида — несущая голову Мавра. Здесь 12 музыкантов исполняли великолепную музыку.

Затем В, С, D — одним фронтом. Дева и я находились на С с изображением земного шара. За нами плыли два корабля без пассажиров. На замыкающем корабле были сорок дев.

Мы вышли в море, где сирены, нимфы и морские богини встречали нас и умоляли разрешить спеть для нас.

Корабли перестроились в пятиугольник вокруг Солнца и Луны. Дева дала разрешение, сирены запели. Купидон трудился надо мной, но он имел мало успеха. Это и была та рана в голову, которую я получил во сне.[24]

Через несколько часов показалась Олимпийская Башня. Ее Страж, древний человек, был в позолоченном плаще. Башня состояла из семи малых цилиндрических башен, одна возле другой. Средняя была самая высокая и от нее отходили остальные. Остров был в виде правильного квадрата, окруженный высокими стенами толщиной в 260 шагов.

В Башню внесли шесть гробов и раку, что видел только один я.

Мы спустились в подземную лабораторию, и промывали там растения, дробили драгоценные камни и отжимали соки и эссенции.

До темноты работа была закончена. Нам дали супа и вина, потом, постелив матрацы, все улеглись на полу в лаборатории. Но ко мне сон не шел. Я поднялся на стену, чтобы созерцать море и звездное небо.

Ровно в полночь я увидел семь огней далеко в море. Они приближались к острову.

Вдруг поднялся ветер. Облака закрыли луну. Я пошел в лабораторию и быстро уснул.

День шестой

На следующее утро Страж Башни вошел в подземную лабораторию в сопровождении юношей, несущих лестницы, веревки и большие крылья. "Мои дорогие дети, — сказал он, — каждый из вас в течение всего сегодняшнего дня должен постоянно носить с собой одну из этих вещей. Выбор сделайте по жребию".

Мой жребий пал на лестницу 12 футов длиной и довольно увесистую. Я вынужден был носить ее, тогда как другие имели возможность красиво обвязаться веревками, а третьим Старец так искусно прикрепил крылья, будто они у них сами выросли,

Затем Старец ушел, забрав с собой плоды нашего вчерашнего труда, и запер за собой дверь. Мы уже стали подумывать, не сделали ли нас в этой Башне узниками, когда, примерно четверть часа спустя, в потолке открылось круглое отверстие и мы увидели в нем Деву. Она пожелала нам бодрого хорошего утра и пригласила подняться наверх. Те, кому по жребию выпало носить крылья, последовали ее предложению тотчас же. Те, кто носил лестницы, полезли по ним, вытягивая их потом за собой. Те же, кто был с веревками, вынуждены были ожидать, пока вылезшие по лестницам не прикрепил для них железные крюки, но и тогда их подъем не обошелся без водяных мозолей на ладонях. Затем отверстие было снова закрыто, и мы оказались в лаборатории, окруженной шестью ризницами, куда нас направили помолиться за жизнь Короля и Королевы. Двенадцать музыкантов, плывших на корабле с Пирамидой, внесли в лабораторию фонтан, а с ним большую овальную шкатулку, которая, как я подозревал, содержала в себе тела обезглавленных Королей и Королев. Затем, пока они исполняли особенно приятную музыку, вошла Дева, неся раку, содержащую голову Мавра. Ее сопровождали закрытые вуалью девы с лавровыми ветками и факелами в руках.

Все встали вокруг фонтана. Дева вынула из раки голову Мавра, завернутую в тафту, и положила ее в сосуд, куда были налиты эссенция и настойки, приготовленные вчера. Этот раствор, оттого, что в него положили голову Мавра, стал быстро нагреваться, кроме того, девы положили на решетку под сосудом свои факелы, так что даже в фонтане забурлила и заиграла вода. Ветки лавра девы воткнули в отверстия вокруг фонтана, и брызги, летевшие на них, стекали затем в сосуд, окрашенные в густой желтый цвет.

Два часа играл фонтан и дистиллят капал в овальную шкатулку, пока тела, находившиеся в ней, не растворились окончательно. Затем Дева принесла золотой глобус. Его поднесли к овальной шкатулке и из нее побежала в него красная жидкость. После этого

глобус снова унесли.

Мы, лаборанты, остались на четверть часа или около того, сидеть одни, пока я не почувствовал шаги над головой и не взглянул на свою лестницу. В потолке открылось отверстие, и мы снова полезли наверх с помощью крыльев, лестниц и веревок. Я насколько не обижался на то, что Дева могла переходить другим путем, и, насколько я мог судить, кое-какую работу мы оставляли на долю Стража.

И на самом деле, когда мы попали на третий конклав, мы нашли золотой глобус уже висющим на толстой цепи в середине потолка. Стен у этой третьей лаборатории не было совсем, но между окнами висели зеркала таким образом, что всюду было видно только отраженное солнце: казалось, что в комнате нет ни одной свободной пяди, а только солнце.[25]

Тепло от всех этих искусственных ослепляющих отражателей падало на золотой глобус до тех пор, пока Дева не нашла, что требуемая температура достигнута. Тогда она приказала закрыть зеркала, а когда глобус остыл, велела нам опустить его вниз и разрезать на части. После длительной дискуссии это было, наконец, сделано с помощью алмаза. Когда глобус распался на две части, то внутри его оказалось огромное снежно-белое яйцо. Оно было такое красивое, что мы стояли вокруг него радостные, как будто сами снесли его.

Как только наша Дева удостоверилась, что скорлупа у яйца достаточно затвердела, она тут же унесла его из комнаты, заперев за собой дверь. Что она делала с яйцом вне комнаты, я не знаю. Мы снова с четверть часа находились одни, а потом открылось третье отверстие в потолке и мы с помощью наших средств стали подниматься на четвертый этаж.

Там мы нашли огромный квадратный медный сосуд, наполненный серебряным песком, в который положили яйцо и стали подогревать на медленном огне. Когда оно было готово, его вынули из песка, но раскалывать его не потребовалось, потому что Птенец скоро освободился сам и выглядел при этом очень довольным.

Дева велела нам связать его, прежде чем его будут кормить. Когда мы это сделали и посадили Птенца на темный песок, ему принесли пить кровь обезглавленных Королей и Королев. Напившись, он стал расти у нас на глазах, покрылся черными перьями и стал чертовски энергично клевать и почесываться, что вздумайся ему кинуться на нас, он любого тут же бы отправил на тот свет.

Когда ему принесли еды еще, он сделался более покладистым и стоворчивым. Его черные перья полиняли и на их месте выросли снежно-белые. При третьем кормлении его перья стали так чудес-

но окрашиваться, что я никогда не видел подобной красоты. Теперь он вел себя по отношению к нам так дружелюбно, что Дева разрешила освободить его от пут.

За обедом мы большую часть времени развлекались нашей Птицей, а после обеда Дева и Птица покинули нас и была открыта пятая комната, куда мы попали прежним способом.

Теперь мы нашли нашу Птицу поджидавшей нас в прохладной молочной ванне, в которой она с удовольствием развлекалась. Под ванной находились горячие лампы. Когда они нагрели молоко настолько, что оно стало горячим, нам пришлось немало потрудиться, чтобы удержать в нем Птицу. Мы покрыли ее покрывалом, в котором сделали дыру, куда она высунула голову.

В нагретой ванне у Птицы вылезли все перья и жидкость растворила их, став от этого голубой, а Птица вышла голой, как новорожденный младенец. Затем мы продолжали нагревать ванну, пока вся жидкость из нее не испарилась, а на дне не остался голубой камень. Этот камень мы растерли в пудру и ею окрасили всю Птицу за исключением головы, которая осталась белой.

Дева снова ушла от нас вместе с Птицей, а мы сквозь потолок попали на шестой конклав, где нашли небольшой алтарь, установленный посредине комнаты. На алтаре лежали книга, зажженная тонкая свеча, небесный глобус, часы со звоном, хрустальный фонтан и череп с белой змеей, в том же порядке, как это было в Королевском Зале.

Птица стояла на алтаре и пила из кроваво-красного фонтана, потом она принялась клевать змею, пока та не стала истекать кровью. Небесный глобус вращался, пока не было достигнуто некоторое соединение, затем второе и третье. После каждого соединения звонили часы.

Затем бедная Птица покорно положила свою голову на книгу и охотно позволила отрезать ее одному из нас, выбранному по жребию[26] Пока не отрезали голову совсем, не пролилось ни единой капли крови, а потом она хлынула сразу свежим и чистым рубиновым фонтаном.

Мы помогли Деве сжечь дотла тело (вместе с подвешенной на нем маленькой табличкой) на огне, зажженном от пламени тонкой свечи, а прах положили в коробку из кипарисового дерева.

Тут я и еще трое со мной возмутились против этого обмана, в который мы были вовлечены.

"Господа, — сказала Дева, — мы уже в шестой комнате, и перед нами осталась только одна. Я вижу среди вас этих четверых (она указала на меня и остальных трех) — ленивых и вялых спутников и я намерена исключить их из седьмого и самого чудесного действия".

Дева умела так хорошо владеть собой, что наша печаль прорвалась потоками слез. Были приглашены музыканты, они кларнетами выдули нас с позором из комнаты, сами при этом будучи почти не в состоянии от смеха дуть в свои инструменты. Но как только мы оказались за дверью, они тут же привели нас в хорошее настроение и повели по вьющейся лестнице на восьмой этаж под самой крышей, где мы увидели стоящего Старца.

Он дружелюбно встретил нас и поздравил с тем, что мы были избраны Девой. Когда он узнал, как нас напугали, то у него чуть живот не лопнул от смеха. Ведь нас постигла такая удача и таким ужасным образом!

"Поэтому, — сказал он, — мои дорогие дети, запомните, что человек никогда не знает, какое добро Бог намеревается принести ему".

Пришла Дева с коробкой из кипариса, в которой был пепел Птицы, и тоже стала смеяться вместе с нами. Затем под руководством старого Стража мы приступили к работе: налили в пепел приготовленной воды и получившуюся пасту нагрели и разложили в две маленькие формочки.

Пока она остывала, мы наблюдали сквозь щель в полу наших остальных собратьев, занятых этажом ниже. Они усердно раздували горн, готовя золото и думая при этом, что их предпочли нам.

Когда мы открыли формочки, то там оказались два ярких, почти прозрачных маленьких слепка ангельски прекрасных младенцев мужского и женского пола, каждый не более 4-х дюймов ростом. Мы положили их на атласные подушечки и смотрели на них до тех пор, пока не одурели от их прелестного вида.

Под руководством Стража мы взяли золотые чашечки с кровью из груди Птицы и стали по капле вливать ее в ротки младенцев, пока они не достигли своего полного настоящего роста и у них не выросли кудрявые золотые волосы. После этого Старец велел нам положить их на длинный стол, накрытый белой тафтой, чтобы нам не стало плохо от непередаваемой красоты.

Наша Дева пришла с чудесными одеждами, которые выглядели, как хрусталь, но были мягкие и непрозрачные. Она положила их на стол, и пока музыканты играли, вместе со Старцем исполнила много церемониальных жестов, направленных к потолку. Потолок был в виде семи полусфер и в середине самой высокой я заметил небольшое отверстие.

Теперь вошли шесть дев с большими трубами, обернутыми яркой, почти пылающей, зеленой материей. Старец взял эти трубы одну за другой и приложил к губам спящих так, что расширяющиеся концы труб были направлены в потолок. Затем в каждый

раструб из отверстия в потолке устремился яркий поток пламени и вошел в спящие изображения младенцев, которые тут же заморгали глазами, хотя сами еще едва шевелились.

Затем спящих младенцев аккуратно уложили в переносную кровать, которую задернули занавесками, и там они продолжали спать.

Мы, между тем, сидели очень тихо, ожидая, когда проснется повенчанная пара. Так прошло около получаса.

Потом влетел Купидон и принялся досаждать им, пока они не проснулись, а проснувшись, были крайне изумлены, так как думали, что они спали с того часа, когда были обезглавлены.

Дева обрядила их в новые одежды, и мы все поцеловали им руки. Потом мы проводили их вниз на королевский корабль, на котором они отплыли домой вместе с Купидоном и свитой дев.

За ужином Дева снова свела нас с нашими прежними товарищами, но мы вели себя так, как будто оставались пребывать в своем плачевном состоянии. За этим ужином с нами был Старец. Я очень многому научился от него, и если бы люди присматривались к его образу действий, их дело не оборачивалось бы так часто неудачей.

После ужина Старец повел нас в свой кабинет редкостей, где мы увидели такие изумительные произведения Природы и другие вещи, которые человеческий разум изобрел в подражание ей, что нам и года не хватило бы, чтобы как следует осмотреть их. Так провели мы добрую часть ночи при свете свечей.

Затем мы разошлись по красивым спальням и, будучи утомлены продолжительным трудом, проспали беспробудно с 11 часов вечера до 8 часов утра следующего дня.

День седьмой

Следующее утро седьмого дня и последнего дня мы встретили в самой глубине подвалов Башни. Там нам дали желтые одежды и наши ордена Золотого Руна, так как мы были все еще одеты в черные погребальные одежды.

После завтрака Старец вручил каждому из нас золотую медаль, на одной стороне которой были слова: "Искусство — это жрица Природы", а на другой — "Природа — это дочь Времени".

Потом мы пошли к морю, где стояли наши богато снаряженные корабли. Их было двенадцать, — шесть, на которых приплыли мы, а другие шесть принадлежали Старцу, но он сел в наш корабль, но котором были мы все вместе. На первый корабль сели музыканты, которых у Старца было очень много. На всех двенадцати кораблях развевались флаги со знаком Зодиака — на нашем был знак Весов. Море было так спокойно, что плыть по нему было одно удовольствие. Старец во время этого плавания занимал нас беседой (он хорошо знал, как провести время), в которой рассказал такие удивительные истории, что я, кажется, мог бы плыть с ним всю жизнь.

В течение двух часов плавания мы пересекли море и узкий пролив, и вошли в озеро, на котором увидели 500 кораблей, плывущих от Замка встречать нас. Во главе их шел сверкающий золотом и драгоценными камнями корабль с юными Королем и Королевой на борту, от имени которых Старый Атлант приветствовал нас.

Остальные наши товарищи были крайне изумлены при виде Короля, так как думали, что только они должны вновь пробудить его. Мы вели себя так, будто бы тоже были удивлены. После речи Атланта выступил наш Старец. Он пожелал Королю и Королеве много счастья и потомства, а затем передал им удивительную маленькую шкатулку, но что было в ней, я не знаю. Затем эту шкатулку передали на хранение Купидону, который парил между Королем и Королевой.

Потом мы благополучно поплыли вместе, пока не причалили к берегу недалеко от первых Врат, в которые я вошел когда-то.

На берегу нас ждали лошади. Когда мы сошли с кораблей, то Король, Старец и я сели верхом. Меня взяли только по причине преклонного возраста и потому, что у меня, как и у Старца, была длинная седая борода и волосы. На каждом из нас троих была снежно-белая Эмблема с Красным Крестом. Свою я прикрепил к шляпе. Юный Король, заметив это, спросил меня, не я ли выкупил эти Эмблемы у Врат. Со всей скромностью я ответил «Да», но он

рассмеялся и сказал, что теперь не надо больше церемоний, ведь я был его Отцом.[27]

Когда мы достигли первых Врат, их Страж в своих небесно-голубых одеждах поджидал нас с прощением в руках. Он протянул его мне и попросил использовать мое хорошее положение, излагая его просьбу перед Королем. Поэтому по пути ко вторым Вратам я спросил Короля о первом Страже. Король ответил, что он был в свое время очень известным астрологом, но совершил проступок перед Венерой, увидев ее в кровати во время отдыха. В наказание за это он должен был ждать у Врат, пока кто-нибудь не освободит его отсюда.

— Значит, он может быть освобожден? — спросил я.

— Да, если кто-нибудь другой совершит такой же грех, он должен будет занять его место.

Эти слова вонзились мне в сердце, сознание подсказывало мне, что я преступник, однако я сохранил спокойствие и передал Королю просьбу Стража. По мере ее чтения Король приходил все в больший ужас и когда мы сошли с коней, велел тут же прислать ему в кабинет Старого Атланта. Он показал ему написанное, но Атлант не стал ужасаться, а сел на коня и поскакал к Вратам, чтобы разузнать как следует, в чем дело.

Нам было объявлено, что после ужина каждый из нас может попросить у Короля, чего пожелает. Король и Королева, между тем, сели играть в игру наподобие шахмат, но фигурами в которой были добродетели и пороки. Из этой игры можно было увидеть, как пороки сидят в засаде против добродетелей и каким путем можно избежать неожиданной встречи с ними. Во время игры вернулся Атлант и по секрету сообщил Королю о результатах, однако я весь покраснел, так как мое сознание не давало мне покоя.

Король протянул мне просьбу, чтобы я ее прочитал. В ней Страж Первых Врат сообщал, что один из гостей Короля открыл Венеру, так что пришло время освободить его от обязанностей Стража, а также просил позволить ему присутствовать на вечернем банкете в надежде, что его преемник будет обнаружен.

Король послал пригласить Стража присоединиться к нам, а когда мы все сели за стол, он строго осмотрел нас. Затем были поставлены в круг прочные изящные стулья, и мы все сели на них вместе с Королем, Королевой, обоими Старцами, дамами и девами. Красивый паж объявил, что Король, в благодарность за нашу службу, избирает каждого из нас Рыцарем Золотого Камня и требует, чтобы мы дали пять клятв:

1) относить основание нашего Ордена только к Богу и Его служанке Природе;

2) возненавидеть всякое распутство и не осквернять Орден подобным злом;

3) использовать свои таланты для помощи всем, кто в них нуждается;

4) не стремиться к земному достоинству и высокому авторитету;

5) не желать жить дольше, чем Бог положил нам.

Последний пункт мы не могли встретить без улыбки.

С соответствующей церемонией мы были возведены в Рыцари, а затем процессией направились в небольшую часовню, где я повесил свое Золотое Руно и шляпу и, поскольку все писали там свои имена, я тоже написал:

"Высшая мудрость это не знать ничего.

Брат Христиан Розенкрейц.

Рыцарь Золотого Камня.

1459".

Затем Король удалился в небольшой кабинет, в котором каждый из нас в частной с ним беседе излагал свои просьбы. Я решил на свой собственный риск освободить Стража Первых Врат от его работы, поэтому, когда меня позвали, я рассказал всю правду.

Король крайне изумился моему признанию и попросил меня отойти немного в сторону, а когда я был позван снова, Атлант объявил мне, что Их Королевскому Величеству крайне прискорбно, что я, кого он любил больше всех, впал в такое несчастье, Однако, поскольку он не может нарушить свои древние обычаи, то Первый Страж должен быть освобожден, а я поставлен на его место. Для меня не будет никакой надежды на освобождение до брачного пира его будущего сына. Этот приговор едва не стоил мне жизни, однако я сохранил мужество и осознал, что этот Страж был моим благодетелем, дав мне знак (жетон), с помощью которого я выстоял на весах и был сделан участником всех почестей и радостей, которые уже получил.

В это время добрый человек был объявлен свободным, а я подумал, что теперь мне придется окончить жизнь у Врат.

Кольцо служителя было одето мне на палец. Король обнял меня и сказал, что я вижу его в таком образе последний раз. Из этого я понял, что уже на следующее утро я должен буду сесть у моих Врат. Когда пришло время расстаться и остальные Рыцари были отведены в свои спальни, я, самый несчастный, не имел никого, кто бы указал мне путь. Но тут подошли ко мне никто иные, как два Старца — Атлант и Страж Башни. Они отвели меня в чудесную комнату, где стояли три кровати, на которые мы и легли. Тут мы принесли еще почти два...

В этой точке повесть неожиданно обрывается посередине предложения, и далее приписана концовка:

"Здесь недостает двух листов. Насколько можно себе представить, — будучи вынужден стать на утро охранителем ворот, он вернулся домой".

Итак, фундаментальный, давно ставший почти легендой памятник европейской христианско-розенкрейцерской традиции, который одни считают талантливой мистификацией, другие — оперативным руководством по сокровенному алхимическому Великому Деланию, а третьи — тайным катехизисом розенкрейцеров, в символической форме отражающим ступени орденского посвящения, обрел наконец свой русскоязычный эквивалент! На протяжении трех веков, с XVIII по XX, в России предпринимались неоднократные попытки перевода этого окутанного мистической аурой труда, однако всякий раз работа издателей по странному стечению обстоятельств наталкивалась на неожиданные препятствия и срывалась...

Настоящий том представляет собой полный литературно-научный перевод «Химической Свадьбы» со средневерхненемецкого языка и полностью сохраняет особенности первого страсбургского издания 1616 г. Речь прежде всего идет о маргиналиях, отсутствующих в более поздних изданиях; эти оригинальные ремарки на полях не только помогают ориентироваться в сложном и запутанном лабиринте текста, но подчас неким парадоксальным образом высвечивают темные места прихотливо петляющего сюжета, а то вдруг откровенно оппонируют основной мысли повествования, привнося в нее странный, совершенно неожиданный смысл.

В книгу вошли также «Fama Fraternitatis, или Откровения Братства высокочтимого Ордена R. C.» и «Confessio Fraternitatis, или Исповедание достохвального Братства всечтимого Розового Креста, составленное для уведомления всех ученых мужей Европы». Как всякий герметический текст, «Химическая свадьба» предполагает несколько уровней восприятия, и сопровождающие издание комментарии лишнее тому подтверждение: статьи христианского мистика и духовидца Рудольфа Штайнера, исследователя герметической традиции Е. Головина и известного историка Д. Харитоновича позволяют взглянуть на те или иные эпизоды с разных, порой взаимодополняющих, а порой противоречащих друг другу точек зрения.

«Химическая свадьба Христиана Розенкрейца»

Статья д-ра Рудольфа Штайнера из журнала “Das Reich” 1918

Кому известна суть переживания, испытываемого человеческой душой, когда перед ней распахиваются врата в духовный мир, тому достаточно прочесть лишь несколько страниц из «Химической Свадьбы Христиана Розенкрейца в году 1459», чтобы понять, что описанное в книге связано с подлинным духовным опытом. Для имеющего прозрение в духовную действительность субъективно вымышленные образы выдают себя тем, что ни их построение, ни их последовательность совершенно не соответствуют этой действительности. Так обретается исходная точка для рассмотрения «Химической Свадьбы». Описанные переживания до определенной степени можно отследить душой и таким образом выяснить, что надо сказать о них на основе прозрения в духовную реальность. Пусть нас не заботит все то, что уже было написано об этой книге: сначала мы должны обрести обозначенную здесь исходную точку. Следует извлечь из самой книги то, что она намерена сказать. И лишь после этого можно будет обсуждать вопросы, которыми задавались многие исследователи этой книги еще до того, как для этого была готова подходящая почва.

Переживания странника, ведущие его к «Химической Свадьбе», разделяются на семь душевных рабочих дней. Первый день начинается с того, что перед душой переживающего проходят имажинации, способствующие тому, что в ней созревает решение начать странствие. Изложение ведется таким образом, что в нем можно заметить особую заботу автора о различении между тем, что переживающему удалось понять из воспринятого им в то время, когда он имел «видение», от того, что осталось сокрытым от его понимания. Равным образом различается подступающее из духовного мира к созерцателю без участия его воли и привходящее посредством его воли. Первое переживание не вводится произвольным образом и не может быть понято созерцателем полностью. Оно предоставляет ему возможность вступления в духовный мир. Но оно не возникает без подготовки. Семью годами ранее созерцателю было возведено через некое «телесное видение», что его призовут для участия в «Химической Свадьбе». Выражение «телесное видение» не должно вызывать недоумения

у читателя, постигшего дух этой книги. Речь идет не о визионерстве болезненной или противоречивой душевной жизни, но о восприятии, доступном духовному созерцанию, содержание которого, тем не менее, встает перед душой с той же степенью реальности, с какой встает перед ней воспринятое телесными глазами. То, что переживающий может иметь подобное «видение», предполагает душевное состояние, отличное от обычного человеческого сознания. Последнему знакомы лишь перемежающиеся состояния бодрствования и сна и между ними — грезящее состояние, при котором переживание не связано с действительностью. Душа, живущая в таком обычном сознании, осознает свою связь с действительностью благодаря органам чувств; но во сне, когда ее связь с органами чувств прерывается, она перестает осознавать связь с какой-либо реальностью, даже с собственным «Я» и его внутренними переживаниями. Какое отношение к действительности она имеет, находясь в грезящем состоянии, — этого она первоначально прозреть не может. Странник в «Химической Свадьбе» уже имел к этому времени «телесное видение», о котором он помнит, — то есть нечто отличное от обычного сознания. Он знает по опыту, что душа способна воспринимать даже тогда, когда она находится в том же отношении к органам чувств, что и во время сна. Представление о душе, живущей вне тела и при этом знающей о действительности, становится для него все более реальным. Он знает, что душа может таким образом укрепить свои собственные силы, что, отделившись от тела, она окажется в состоянии соединиться с духовным миром так же, как посредством телесных органов чувств — с природой. То, что подобное объединение состоялось, что оно налицо, он испытал благодаря «телесному видению». Но само переживание этого единения с помощью «видения» пока не могло быть достигнуто. Ему следует ждать. В его представлениях это единение дано как участие в «Химической Свадьбе». Так он готовится к обновленному переживанию в духовном мире.

В навечерие праздника Пасхи, в час, когда душа обретает возвышенный настрой, приходит это обновленное переживание. Переживающий чувствует себя так, будто вокруг него ревет ураган. Этим возвещается ему, что он переживает действительность, восприятие которой сообщено ему не через физические органы чувств. Он выведен из состояния равновесия по отношению к мировым силам, в какое человек поставлен благодаря своему физическому телу. Его душа отныне не живет жизнью этого физического тела; она чувствует себя связанной только с (эфирным) телом образующих сил, пронизывающих тело физическое. Тело образующих сил включено не в равновесие мировых сил, но в

подвижную стихию того духовного мира, который ближе всего к физическому; его и воспринимает прежде всего человек, когда растворяет пред собой врата духовного созерцания. Только в физическом мире силы застывают в твердые, живущие в равновесном состоянии формы; в духовном мире царит непрерывная подвижность. Вовлеченность в эту подвижность осознается переживающим как восприятие ревущей бури. Из этого неопределенного восприятия выступает *откровение некоего духо-существа*. Откровение это осуществляется благодаря определенным образом сформированной имагинации. Духо-существо появляется в синем одеянии, усыпанном звездами. Изображая это существо, следовало бы, однако, воздержаться от всяческих символических истолкований, которыми с таким удовольствием пользуются дилетанты от эзотерики в своих «объяснениях». Мы имеем дело с *нечувственным* переживанием; переживающий выражает его для себя и для других посредством образа. Синее усыпанное звездами одеяние столь же мало символизирует синее ночное небо или еще что-то в том же роде, сколь представление о розовом кусте в обыденном сознании символизирует закат. Воспринимая сверхчувственно, душа действует намного интенсивнее и сознательней, нежели при восприятии чувственном. В случае странника из «Химической Свадьбы» эта деятельность совершается посредством тела образующих сил, подобно тому как в случае физического видения — через чувственное тело, посредством глаз. Эта деятельность тела образующих сил сравнима с возбуждением под влиянием излучающегося света. Такой свет попадает на открывающее себя духо-существо. Он от него отражается. Созерцатель, таким образом, видит собственный, им же испускаемый свет, и там, где этот свет обретает границы, он воспринимает создающее эти границы определенное существо. Благодаря подобному отношению духо-существа к духовному свету тела образующих сил возникает «синее»; звезды — это не отраженная, но воспринятая существом часть духовного света. Духо-существо — это объективная действительность; образ, в котором оно себя открывает, — это модификация, произведенная этим существом в излучении тела образующих сил. Эту имагинацию также нельзя путать с визионерством. Субъективное переживание того, кто имеет подобную имагинацию, совершенно не похоже на переживания визионера. Визионер живет в своих видениях, будучи понуждаем изнутри; имеющий имагинацию присоединяет ее к означенному духовному существу или процессу с той же сознательной внутренней свободой, с какой он употребляет то или иное слово или предложение для обозначения чувственного предмета. Кто-нибудь, не обладающий никакими познаниями о

сущности духовного мира, может подумать, что нет совершенно никакой надобности в том, чтобы облекать духовный мир в имажинации, столь напоминающие видения визионеров: ведь духовный мир открывается в опыте, не имеющем образной формы. На это можно возразить, что имажинация-то как раз и несущественна для духовного восприятия, но она — средство, с помощью которого душе открывается то, что существенно. Как человек не воспринимает чувственно воспринимаемого цвета без определенной деятельности глаза, точно так же он не может пережить нечто духовное, если не встретит его идущей изнутри определенной имажинацией. Но это не препятствует тому, чтобы при изображении духовных переживаний, пережитых посредством имажинации, использовать чистые понятия, подобные тем, что приняты в естествознании и философии. В предлагаемом изложении мы будем использовать их: с их помощью мы намерены исследовать содержание «Химической Свадьбы». Но в XVII веке, когда И.В. Андреэ писал эту книгу, подобные понятия еще не были в широком употреблении; вместо этого непосредственно приводилась имажинация, с помощью которой человек пережил сверхчувственные существа и процессы.

В открывшемся ему духовном облике странник из «Химической Свадьбы» распознает существо, способное сообщить верный импульс его странствию. Благодаря этому духовному облику он чувствует, что сознательно стоит посреди духовного мира. И то, как он в нем стоит, указывает на особое направление его пути познания. Он движется не в направлении мистики в узком смысле слова, но в направлении алхимии. Однако чтобы последующее изложение не вызвало недоразумений, следовало бы освободить понятие «алхимии» от всего, что налипло на него из-за суеверий, мошенничества, страсти к авантюрам и прочего. Подумаем лучше о том, к чему стремились благородные и непредвзятые искатели истины, создавшие это понятие. Они хотели познать закономерные связи, существующие между вещами в природе, однако не те, что обусловлены деятельностью самой природы, но те, что обусловлены чем-то духовно-сущностным, открывающим себя посредством природы. Они искали сверхчувственных сил — действующих в чувственном мире, но не подлежащих чувственному познанию. На путь подобных исследователей становится и странник из «Химической Свадьбы». Именно в этом смысле он является представителем алхимических исканий. И в этом своем качестве он убежден, что сверхчувственные силы природы сокрыты от обыденного сознания. В свое внутреннее пространство он вводит переживания, под воздействием которых душа приспособляется использовать тело образующих сил в качестве органа восприя-

тия. Благодаря этому органу восприятия ему удастся созерцать сверхчувственные природные силы. В духовной форме бытия, переживаемой за пределами чувственного восприятия и обычной деятельности рассудка, намерен он сначала познать сверхчувственные силы природы, внешние по отношению к человеку, чтобы затем, во всеоружии знаний об этих силах, прозреть истинную сущность самого человеческого тела. Он полагает, что с помощью познаний, добытых душой в союзе с действующим независимо от физического организма телом образующих сил, можно будет прозреть в сущность человеческого тела, и тем самым приблизиться к тайне, манифестируемой космосом при посредстве названной сущности. От обычного чувственного восприятия эта тайна сокрыта: человек *живет* в ней, но того, что переживает, он *не видит*. С помощью сверхчувственного познания природы странник из «Химической Свадьбы» стремился достичь, в конечном счете, созерцания сверхчувственной сущности человека. Этот путь исследований делает его алхимиком, а не мистиком в строгом смысле слова. Мистик также стремится к переживанию человеческой сущности, отличному от того, что возможно благодаря обычному сознанию, но он не выбирает пути, на котором тело образующих сил используется независимо от физического тела. Он исходит из неопределенного чувства, что пронизанность физического тела телом образующих сил — еще более глубокая, нежели в обычной бодрственной жизни, — есть то, что уводит прочь от общения с чувственно воспринимаемой реальностью и приводит к единению с духовной реальностью в человеке. Алхимик стремится к тому, чтобы изъять себя со своим сознательным существом из обычной связи с телесностью и войти в мир «духовного в природе», лежащий позади мира чувственных восприятий. Мистик пытается привести сознательную душу в более тесную связь с телесностью для того, чтобы, сохранив самосознание, погрузиться в те области телесного, которые сокрыты от самосознания, когда это последнее занято чувственными ощущениями. В этом своем устремлении мистик не всегда отдает себе ясный отчет. Слишком часто он стремится характеризовать свой путь иным образом. Но в большинстве случаев он плохой толкователь собственного существа. Это связано с тем, что к духовным исканиям прибавляются определенного рода чувства. Пытаясь преодолеть связь с телом, переживаемую обычным сознанием, душа мистика в результате своего рода самообмана исполняется не только пренебрежением к этому совместному с телом бытию, но и к телу как таковому. К тому же он не желает признавать, что его мистические переживания основаны на связи с телом намного более тесной, нежели в случае переживаний, производимых

обычным сознанием. Из-за этой более тесной связи с телом мистик ощущает в себе некое изменение представлений, чувств и волений. Он отдается этим ощущениям, не развивая в себе при этом склонности к прояснению оснований подобного изменения. Эти изменения предстают перед ним, несмотря на его более глубокое погружение в телесность, как одухотворение его внутренней жизни. И он имеет полное право считать их таковыми, ибо чувственность — не что иное, как форма бытия, переживаемая душой, когда она связана с телом той связью, что лежит в основе обычного бодрственного сознания. Если связь души с телом становится более тесной, чем в этой форме бытия, душа переживает некое отношение человеческого существа к миру, который духовнее, чем мир, доступный чувствам. Представления, возникающие при этом, уплотняются до имагинаций. Имагинации эти являются откровениями сил, посредством которых тело образующих сил работает над телом физическим. Они сокрыты от обычного сознания. Ощущение усиливается до такой интенсивности, что эфирно-духовные силы, которые излучаются из космоса и действуют в человеке, переживаются как бы через внутреннее осязание. Душа в актах воли научается отдаваться духовному воздействию, которое вчленяет человека в сверхчувственную мировую взаимосвязь, от которой он отделен из-за субъективности воления в состоянии обычного сознания. Истинным мистиком человек становится лишь тогда, когда связывает свое полностью сознательное душевное существо с телом вышеобозначенной теснейшей связью: тогда он не вынуждается телесной организацией к болезненному визионерству или спутанности сознания. Истинный мистик стремится пережить лежащее в глубинах человеческого существа духовно-сущностное начало человека, которое в обычном сознании *укрыто покровом* чувственных восприятий. Истинный алхимик делает себя независимым от чувственного восприятия, чтобы созерцать находящееся вне человека духовно-сущностное начало мира, *закрытое* чувственным восприятием. Перед тем как проникнуть во внутреннее пространство человека, мистик должен приобрести такую душевную конституцию, чтобы, несмотря на возросшее давление, испытываемое душой в ответ на более тесную связь с телом, она не подвергла свое сознание затемнению или погашению. Алхимик, перед тем как вступить в лежащий за чувственной областью духовный мир, нуждается в таком укреплении своего душевного существа, чтобы оно не утратило себя в существах и процессах этого мира. Пути, по которым движутся мистик и алхимик в своих исследованиях, противоположны. Мистик входит непосредственно в собственное духовное существо человека. Его цель — единение сознательной души с

собственным духовным существом, то, что может быть названо «мистическим браком». Алхимик желает пройти в своем странствии по духовной области природы, с тем чтобы, успешно завершив его, обратиться с приобретенными в этой области познавательными силами к созерцанию духовного существа человека. Его целью является «химическая свадьба», единение с духовной областью природы. Лишь после *этого* единения он намерен погрузиться в рассмотрение человеческого существа.

Как мистик, так и алхимик в начале своего пути переживают некую тайну, которая по самой своей сути не может быть усмотрена, будучи ограниченной обычным сознанием. Эта тайна касается соотношения между человеческими телом и душой. Человек живет как душевное существо, хотя на самом-то деле — в духовном мире; однако на современной ступени развития, занимаемой им в становлении мира, он не обладает собственной способностью ориентироваться в духовной области. С помощью сил своего обычного сознания он по всей истине может *установить* свое отношение к самому себе и к миру, лежащему вне человека, лишь в том случае, если тело укажет ему направление для душевной деятельности. Тело сопряжено с миром таким образом, что это соответствует космической гармонии. Пока душа живет в чувственных восприятиях и обычной деятельности рассудка, она сочетается с телом именно с той интенсивностью, которая позволяет телу перенести на душу свою гармонию с космосом. Если душа изымает себя из этого переживания, чтобы двинуться в мистическом или алхимическом направлении, необходимо позаботиться, чтобы она не утратила этой, благодаря телу приобретенной, гармонии. Если об этом не позаботиться, то на мистическом пути ей угрожает утрата духовной взаимосвязи с космосом; на алхимической тропе ее ждет утрата способности различения истины и заблуждения. Без этой заботы мистик, вступивший в более тесную связь с телом, настолько уплотняет свои силы самосознания, что, поработенный ими в собственной жизни, уже не сможет углубленно переживать события мировой жизни. Тем самым он со своим сознанием вступит в область иного духовного мира, нежели подходящего человеку. (В своих духоведческих трудах я называю этот мир люциферическим.) Алхимик же без подобающей заботы потерпит ослабление своей способности различать истину и иллюзию. В великой взаимосвязи Вселенной иллюзия необходима. Но на своей настоящей ступени развития человек не подпадает под нее, поскольку его предохраняет область чувственных восприятий. Но если бы иллюзия не лежала в основе человеческого переживания мира, человек не смог бы развить различные ступени своего сознания. Ибо иллюзия — движущая сила

развития сознания. На настоящей ступени развития человеческого сознания иллюзия должна работать именно ради становления сознания; но сама она должна оставаться неосознанной. Если же она все-таки вступит в сознание, она окажется сильнее истины. Как только душа, идущая алхимическим путем, вступает в духовную область, лежащую позади чувственных восприятий, ее захватывает вихрь иллюзий, внутри которого она может сохранить себя правильным образом лишь в том случае, если она принесла с собой в эту область достаточно развитую способность различать истину и обман, приобретенную в переживаниях чувственного мира. Если же она не позаботится о подобной способности различения, вихрь иллюзий занесет ее в мир, где она потеряет самое себя. (Этот мир в своих работах по духоведению я называю ари-маническим.) Мистику, прежде чем он вступит на свой путь, необходимо привести свою душу в такое состояние, чтобы она не была подавлена своей собственной жизнью; алхимик должен укрепить в себе чувство истины до такой степени, чтобы не утратить его даже тогда, когда оно не опирается на чувственные восприятия и связанный с ними рассудок.

Субъект переживаний, изображенный в «Химической Свадьбе», — алхимик, осознающий, что на своем пути он нуждается в усиленной способности различения истины и иллюзии. По условиям той жизни, из которой он выходит на алхимическую тропу, он пытается обрести опору в истине христианства. Он знает: то, что связывает его со Христом уже в этой жизни, в чувственном мире содействует в его душе той ведущей к истине силе, которая не нуждается в чувственной основе и может сохранить себя даже тогда, когда эта чувственная основа отсутствует. С таким настроением стоит его душа перед существом в синем одеянии, указующим путь к «Химической Свадьбе». Поначалу это существо могло принадлежать как миру иллюзии и заблуждения, так и миру истины. Странник должен это определить. Но способность различения покинет его и заблуждение завладеет им, если он не вспомнит в сверхчувственном переживании, что в чувственном мире посредством некоей внутренней силы связывало его с истиной. Из его собственной души восстает то, что возникло в ней благодаря Христу. И так же, как свой обычный свет, тело образующих сил излучает и этот свет Христов на открывшееся существо. Строится правильная имажинация. Письмо, указавшее ему путь к «Химической Свадьбе», содержит знак Христов и слова *in hoc signo vinces*. Странник знает: он связан с явившимся ему существом силой, которая указывает истину. Если бы сила, ведущая его в сверхчувственный мир, была склонна к обману, то он стоял бы сейчас перед существом, которое ослабило в нем

способность воспоминания об импульсе Христа, живущем в нем. Тогда бы он следовал только соблазняющей силе, которая притягательна для человека даже тогда, когда сверхчувственный мир выводит ему навстречу силы, губительные для его существа и для его воли.

Письмо, которое, согласно «Химической Свадьбе», передает страннику явившееся ему существо, содержит сообщенный в стиле XV века опознавательный знак отношения к духовному миру (крест — *Перев.*) — причем уже в начале первого дня своих духовных переживаний странник способен это осознать. Знак, добавленный к словам, обозначает ту форму взаимоотношений, в какой оказались его физическое тело, тело образующих сил и душевно-духовное начало. Самое же главное для него то, что он может сказать самому себе: состояние его человеческого существа созвучно отношениям, сложившимся во Вселенной. «По прилежном вычислении и наблюдении хода планет» он находит, что подобное состояние наступило именно в тот момент, когда следовало. Если же кто-то станет рассматривать то, что здесь говорится, в духе тех глупостей, что свойственны некоторым «астрологам», то это приведет к ложному пониманию, причем неважно, будет ли он относиться к сказанному как верующий, с одобрением, или же с издевкой, как «просвещенный». Составитель «Химической Свадьбы» имел серьезные основания добавить к названию своей книги «в году 1459». Он понимал, что душевное состояние переживающего должно гармонизировать с тем состоянием, которого к данному моменту времени достигло мировое развитие; понимал, что внутреннее состояние души не должно составлять дисгармонии с внешним содержанием мира. Душа, не зависящая от обычных чувственных восприятий, должна гармонизировать с внешним сверхчувственным содержанием мира, чтобы из этого созвучия возникло состояние сознания, которому открывается «химическая свадьба». Человек, верящий, что конstellация наблюдаемых планет содержит таинственную силу, определяющую переживания человека, подобен тому, кто мнит, будто стрелки его часов имеют силу, способную побудить его к тому, чтобы выйти из дому, между тем как он должен был совершить это к определенному часу исходя из обстоятельств своей жизни.

В письме содержится указание на *три храма*. В тот момент, когда переживающий получает это указание, он еще не понимает, что оно означает. Тот, кто начинает воспринимать в духовном мире, должен знать, что на первое время ему будут даны имажинации, в понимании которых ему будет отказано. Он должен принять их как имажинации и в этом качестве позволить им созреть в его душе. По мере созревания они приносят во внутрен-

нее существо человека силу, способную стимулировать сознание. Если же наблюдатель захочет объяснить эти образы в то же мгновение, когда они ему открылись, то он обратит на них еще не приспособленную к тому силу рассудка и составит о них противоречивые суждения. В духовном опыте многое зависит от того, хватает ли кому-либо терпения, делая отдельные наблюдения, поначалу просто вбирать их в себя, отложив их понимание до подходящего момента. По мнению странника, ему еще семь лет назад было возведено о том, что он испытал в «Химической Свадьбе» в течение первого дня. В то время ему еще следовало не составлять себе рассудочное суждение о своем тогдашнем «видении», но ждать, чтобы это «видение» воздействовало на его душу до тех пор, пока он не окажется в состоянии воспринимать дальнейшее с пониманием.

Явление духовного существа в синем одеянии, усыпанном звездами и передача им письма — это переживания, которые странник в «Химической Свадьбе» испытывает не по собственному свободному решению души. В дальнейшем он переходит к тому, чтобы вызывать переживания благодаря именно такому свободному решению. Он впадает в состояние, похожее на сон; оно приносит ему сновидческий опыт, но содержание этого опыта имеет силу действительности. Он способен на это, поскольку после уже испытанных переживаний, находясь в состоянии сна, вступает в отношения с духовным миром, отличные от обычных. Душа человека в обычном сновидческом переживании не скреплена с духовным миром связью, снабжающей ее представлениями, имеющими силу действительности. Но душа странника в процессе «химической свадьбы» преобразилась. Она настолько окрепла внутренне, что во время сновидческого опыта может воспринимать то, что связывает ее в переживании с духовным миром, в котором она находится. И благодаря этому опыту она прежде всего переживает собственное вновь приобретенное отношение к своему физическому телу. Она переживает это отношение в *имагинации башни*, в которую заключен сновидец, и из которой он выходит на свободу. Она сознательно переживает то, что в обычном существовании, переживается бессознательно — когда душа, засыпая, переходит из области чувственного опыта в область сверхчувственных форм бытия. Теснота и лишения в башне становятся для внутреннего существа души выражением чувственных переживаний после того, как она оказывается унесенной прочь от области подобных переживаний. Связь души с телом, результатом которой становится чувственный опыт, осуществляют жизненные силы, способствующие росту. Если бы эти силы действовали в одиночку, сознание никогда не могло бы

возникнуть. Жизненное начало в своем чистом виде остается бессознательным. К возникновению сознания ведут, в союзе с иллюзией, силы, эту жизнь уничтожающие. Если бы человек не нес в себе то, что ведет его к физической смерти, он мог бы, конечно, жить в своем физическом теле, но не развил бы в нем сознания. От обычного сознания связь между смертоносными силами и этим самым сознанием сокрыта. Но «духовному оку» того, кто, подобно переживающему субъекту в «Химической Свадьбе» развивает свое сознание для духовного мира, такая связь обязательно будет явлена. Он должен будет узнать, что с его существованием связан «старец, белый как лунь», существо, которое по самой своей природе несет в себе силы старения. Прозрение в духовную область — удел лишь тех душ, которые, пребывая в этой области, созерцают на себе действие силы, которая в обычной жизни проявляется в старении. Эта сила в состоянии вырвать человека из области чувственного опыта.

Сновидческие переживания странника в «Химической Свадьбе» имеют силу действительности именно потому, что благодаря им он осознает, что отныне может приближаться к природе и к миру людей в таком душевном расположении, которое позволяет созерцать то, что сокрыто от обычного сознания и в том, и в другом. Благодаря этому он созревает для опыта следующего дня.

Описание второго дня также начинается с указания, что природа является страннику неким новым способом. Но он должен прозревать не только в глубинные основания природы; его взор отныне должен проникать в побудительные мотивы человеческих волений и действий еще глубже, чем дано обыденному сознанию. Автор «Химической Свадьбы» хочет сказать, что этому обычному сознанию знакома лишь внешняя сторона воления и действия и что даже собственные воления и действия люди посредством этого сознания замечают лишь с внешней стороны. Лежащие глубже духовные импульсы, вливающиеся из сверхчувственного мира в эти воления и действия и формирующие социальную жизнь людей, остаются неизвестными для этого сознания. Человек может пребывать в убеждении, что к действию его побуждает тот или иной мотив; на самом же деле этот мотив — всего лишь маска для вещей, остающихся неосознанными. До тех пор пока люди в своей социальной жизни руководствуются обычным сознанием, в совместную жизнь вторгаются силы, не отвечающие потребностям того развития, которое было бы для человечества спасительным. Этим силам должны противостоять другие, которые прозреваются сверхчувственным сознанием и должны быть воплощены в социальное действие. К познанию подобных сил и должен быть приведен странник из «Химической Свадьбы».

Для этого он должен проникнуть взором в людей и узреть существо, которое живет в них в действительности, существо, полностью отличное от того, что они в себе предполагают и не находящееся в соответствии с тем местом, какое они занимают в установленных обычным сознанием общественных отношениях.

Картина природы, какой она открывается обычному сознанию, весьма отличается от картины общественных отношений. Но сверхчувственные силы природы, знакомые духовному сознанию, сродни сверхчувственным силам этих социальных отношений. Алхимик стремится к познанию природы, которое должно послужить основанием истинного человекопознания. Странник в «Химической Свадьбе» должен отыскать *путь* к такому познанию. Ему, однако, указывают не один этот путь, а множество путей. *Первый* ведет его в область, где рассудочные представления обыденного сознания, приобретенные в чувственных восприятиях, действуют при получении сверхчувственного опыта таким образом, что при совместном действии обеих сфер опыта убивается способность усматривать действительность. *Второй* угрожает тем, что душа может потерять терпение, когда, получив духовные откровения, будет вынуждена долго ожидать, пока постепенно созреет то, что было первоначально получено лишь как недоступное пониманию откровение. *Третий* путь требует людей, которые, благодаря бессознательно достигнутой эволюционной зрелости, за короткое время приходят к созерцанию, приобретаемому другими в длительной борьбе. На *четвертом* пути человек встречается со всеми силами, которые, действуя из сверхчувственного мира, затуманивают его сознание и внушают ему страх, стоит ему только захотеть оторваться от чувственного опыта.

Какой путь изберет для себя та или иная душа, зависит от состояния, в какое она пришла благодаря опытам обычного сознания до того, как вступила на путь духовного странствия. «Выбирать» в обычном смысле слова она не может, ибо в этом случае выбор исходил бы от чувственного сознания, которому право решения в сверхчувственных вещах не принадлежит. Невозможность подобного выбора видит, согласно «Химической Свадьбе», и наш странник. Но еще он знает, что его душа достаточно окрепла для поступков в сверхчувственном мире, что она может быть побуждена к праведным деяниям, если такое побуждение исходит из духовного мира. Имагинация «освобождения из башни» дает ему это знание. *Имагинация «черного ворона»,* отнимающего пищу у «белого голубя», вызывает в душе странника определенное чувство; и это чувство, образованное из сверхчувственного, имагинативного восприятия, ведет по тому пути, по какому не

мог бы повести выбор, сделанный обычным сознанием.

На этом пути странник приходит туда, где люди и связи между ними предстают его взору в том свете, что недоступен для переживания в чувственно воспринимаемом теле. Через *врата* он входит в жилище, где люди ведут себя в соответствии с влившимися в их души сверхчувственными силами. Благодаря опыту, полученному в этом доме, он должен пробудиться к новой жизни, которая обязательно будет вести его, когда его сверхчувственное сознание охватит достаточно большую область этого опыта.

Иные критики «Химической Свадьбы Христиана Розенкрейца» высказывали мнение, согласно которому она не более чем сатирический роман, высмеивающий поведение каких-то сектантов, алхимиков с их авантюризмом и тому подобное. Но, быть может, действительно правильное воззрение на переживание, через которое автор проводит своего странника «перед вратами», состоит в том, что сатирический настрой, обнаруживаемый этим произведением в последующих частях, обращается в душевный опыт, чья серьезность принимает форму, кажущуюся чистой сатирой только тому, кто желает ограничить себя одной лишь областью чувственных переживаний.

Второй день душевной работы приводит духоиспытателя, чей опыт описывает Иоганн Валентин Андреэ, к переживаниям, благодаря которым решается, действительно ли он способен достигнуть истинного духовного созерцания или же его душа погрузится в мир духовного заблуждения. Эти переживания для его способности восприятия облекаются в *имагинации «входа в замок»*, где властвует мир духовного опыта. Подобные имагинации может иметь не только истинный, но и неистинный духоиспытатель. Душа приходит к ним, следуя определенным образом направленным мыслям и определенного рода ощущениям, благодаря которым она оказывается в состоянии представить себе определенную среду, о которой она получает сообщения без посредства чувственных впечатлений.

По тому, как Андреэ изображает общество ложных духоиспытателей, среди которых «Брат Розенкрейц» все еще находится во «второй день», можно понять, что тайна различения истинных и ложных духоиспытателей хорошо ему известна. Тот, кто имеет возможность правильно судить о подобных свидетельствах духовных воззрений автора «Химической Свадьбы», не усомнится в истинном характере этого произведения и в сути намерений Андреэ. Оно написано совершенно откровенно и вполне может объяснить человеку с серьезными устремлениями, в каком отношении стоит мир чувственный к миру духовному и какие силы может взрастить человеческая душа для социальной и нравствен-

ной жизни благодаря познанию духовного мира. Лишенный сантиментов, юмористический и сатирический стиль изложения Андреэ говорит не против, но в пользу совершенной серьезности его намерений. Эту серьезность вполне можно угадать не только за легковесными, на первый взгляд, сценами; ощущение такое, что Андреэ пишет как человек, стремящийся не затуманивать настроение своего читателя сантиментами по поводу тайн духовного мира, но воспитать в нем душевно свободное, самосознающее и разумное отношение к этому миру.

Если кто-то благодаря завершенности мыслей и определенного рода ощущениям оказывается способен представить себе сверхчувственный мир в имагинациях, то эта способность еще не гарантирует, что эти имагинации пригодны для установления действительных отношений с миром духа. Брат Розенкрейц видит себя на поле имагинативных переживаний в окружении несметного множества душ, которые, хотя и живут в представлениях о духовном мире, но из-за своего внутреннего склада никак не могут прийти в соприкосновение с этим миром. Возможность такого действительного соприкосновения зависит от того, как духоиспытатель ориентировал свою душу в отношении чувственного мира, прежде чем он вступил на порог мира духовного. Такая ориентация приводит душу в определенное состояние, которое переносится за порог и открывается в духовном мире таким образом, что последний либо принимает, либо отвергает ищущего. Правильное душевное состояние может быть достигнуто, только если духоиспытатель готов сложить перед порогом все, что определяет его отношение к миру в сфере чувственно воспринимаемой действительности. Для пребывающего в духовном мире должны потерять свою действенность те душевные импульсы, благодаря которым человек, исходя из внешнего жизненного положения и внешней судьбы, ощущает характер и ценность — или весомость — своей собственной личности. И если трудно бывает подчиниться даже этой необходимости, из-за которой человек чувствует себя как бы перенесенным в своего рода душевное детство, то еще больше обычному ощущению противодействует необходимость подавить ту форму суждений, что служит для ориентации в чувственном мире. Следует прийти к убеждению, что этот род суждений приобретен в чувственном мире, что он имеет значение только в этом мире и что следует быть готовым почерпнуть из самого духовного мира,ы каким образом судить о нем. Брат Розенкрейц, войдя в замок, развивает в себе душевное настроение, происходящее из ощущения подобной необходимости. В первую ночь после того, как его проводили в замок, он не позволяет отвести себя в комнату, но остается в зале, до которого

добирается благодаря участию в событиях второго дня. Таким способом он предохраняет свою душу от попадания в ту область духовного мира, с которой действующие в его внутреннем существе силы еще не могут связать его должным образом. Душевное настроение, удержавшее его от проникновения в духовную область более далекую, чем та, куда он проник во второй день, продолжало действовать в его душе в течение всей ночи и вооружило его такими способностями восприятия и воления, какие потребуются ему на следующий день. Те же, кому удалось проникнуть, прибывшие вместе с ним и неспособные на подобное душевное настроение, на следующий день будут отброшены от духовного мира, поскольку они не смогли развить результатов подобного настроения. Без этих результатов они не могут при помощи действительных внутренних сил связать свои души с духовным миром, в определенном смысле окружающим их лишь внешне.

События у врат — встреча со львом, чтение надписей на двух колоннах при входе и прочие происшествия второго дня — переживаются братом Розенкрейцем таким образом, что становится видно, как его душа действует в обозначенном настроении. Он проходит через этот опыт так, что ему остается незнакомой та его часть, которая обращена к обычному, связанному с чувственным миром рассудку, и оказывается приемлемой только та часть, которая вступает в наглядную духовную связь с более глубокими душевными силами.

Встреча с «ужасного вида львом» у вторых врат — одна из ступеней в самопознании духоиспытателя. Брат Розенкрейц проходит через это испытание так, что оно действует на его глубинные нравственные силы как имагинация; но ему остается неизвестным, что она означает для его положения в духовном мире. Непонятное ему суждение роняет «страж», находящийся при льве; он успокаивает льва и, ознакомившись с содержанием некоего письма, также неизвестного входящему, говорит ему следующее: «Войди, брат мой, ты здесь желанный гость!» Духовный облик «ужасного льва» — результат душевного состояния брата Розенкрейца. Это душевное состояние отражается на части образующих сил духовного мира и создает имагинацию льва. В таком отражении дается образ собственного «Я» созерцателя. В поле духовной действительности оно представляет собой иное существо, нежели в области чувственно воспринимаемого бытия. Силы, действующие в области чувственного мира, оформляют это существо в чувственный человеческий облик. В сфере духовного оно еще не человек; оно еще существо, которое выражает себя имагинативно в форме зверя. Все, что живет в чувственно воспринимаемом

бытию в качестве влечений, аффектов, эмоциональных и волевых импульсов человека, сковано в этом бытии жизнью связанных с чувственным телом представлений и восприятий, которые сами, в свою очередь, являются результатом чувственного мира. Если человек хочет выйти из чувственного мира, он должен осознать, что вне этого мира ничто в нем уже не окажется скованным посредством данностей чувственного мира, а должно будет наставляться на правильный путь новыми данностями из духовного мира. Человек должен созерцать себя в состоянии, предшествовавшем его становлению чувственно воспринимающим человеком. Такое созерцание и выпадает на долю брата Розенкрейца, когда он встречается со львом, образом его собственного существа до того, как оно стало человеком.

Но чтобы избежать недоразумений, заметим, что форма бытия, в каковой начинает духовным образом проступать существо, лежащее в основе человека до его становления в этом качестве, не имеет ничего общего с животным началом, с которым связывает происхождение человека расхожий дарвинизм. Ибо животная форма духовного лика по самой своей сути может принадлежать только миру образующих сил. Внутри чувственного мира он может существовать лишь как бессознательная составляющая человеческой природы.

То, что брат Розенкрейц частью своего существа, находящейся в оковах чувственного тела, еще пребывает в состоянии, предшествовавшем человеческому становлению, выражается в душевном настрое, с которым он очутился у входа в замок. Он бестрепетно стоит перед тем, что его ожидает, и его взор нисколько не замутняют суждения, все еще производимые привязанным к чувственному миру рассудком. Подобное замутнение он заметит позже — в тех, кто придут, не приобретя правильного душевного настроения. Они тоже прошли перед «ужасным львом» и видели его, ибо последнее зависит только от того, приняли ли их души соответствующее направление мыслей и способ ощущений. Но действие означенного духовного лика не могло быть в них достаточно сильным, чтобы подвигнуть их к отказу от того способа суждений, к которому они привыкли в чувственном мире. Их способ судить о чем-либо представляется духовному оку брата Розенкрейца внутри духовного мира пустым бахвальством. Они хотят увидеть идеи Платона, сосчитать атомы Демокрита, утверждают, что видят невидимое, по правде же не видят ничего. Все это показывает, что их внутренние силы не могут найти связь с окружающим их миром. Им не хватает осознания истинных требований, которые предъявляет духовный мир человеку, желающему его созерцать. Брат Розенкрейц в последующие дни именно пото-

му и может связать свои душевные силы с духовным миром, что во второй день он, в полном согласии с истиной, может поручиться, что не видит и не может ничего из того, что другие пришлецы, как они уверяют себя или других, видят или могут. Ощущение собственной беспомощности позднее превратится у него в мощь духовного переживания. В конце второго дня он позволяет надеть на себя оковы, потому что должен ощущать оковы душевной беспомощности в отношении духовного мира, и эта беспомощность как таковая будет освещаться светом его сознания столько времени, сколько необходимо, чтобы она преобразовалась в силу.

Андрез намерен показать, как семь «наук и свободных искусств», на которые в Средние века подразделяли знания, приобретаемые в чувственном мире, могут служить подготовкой к духовному познанию. Под этими семью разделами познания обычно подразумевали грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, музыку и астрономию. Из изображенного в «Химической Свадьбе» можно понять, что Андрез думает наделить знаниями, полученными из этих разделов познания, не только брата Розенкрейца и его законных товарищей, но и незаконных пришельцев. Но их владение знаниями — иного рода. «Идущие законным путем», прежде всего сам брат Розенкрейц, переживания которого изображаются, усвоили это знание таким образом, что благодаря овладению им развили в душе силу для восприятия в духовном мире того неизвестного, что пока еще должно быть сокрыто от «свободных искусств». Их души благодаря этим искусствам приготовлены к тому, что они не только знают, что можно познать с их помощью, но еще они знают, что это знание придает им вес, благодаря которому они могут приобретать опыт в духовном мире. Те же, кто проник в замок незаконно, не могут превратить весомость этих искусств в душевную весомость. В их душе нет истинного мирового содержания этих «семи свободных искусств». На третий день брат Розенкрейц участвует во *взвешивании душ*. Оно изображается имагинацией весов, на которых взвешивают души, чтобы определить, включили ли они в свой собственный человеческий вес то, что уравнивается семью гирями. Семь гирь суть имагинативные представители «семи свободных искусств».

Брат Розенкрейц имеет в своей душе не только содержание, не уступающее семи гирям, но и какой-то перевес. Это идет на пользу другому персонажу, который сам по себе душевно недостаточен, но благодаря защите истинного духоиспытателя избегает изгнания из духовного мира. Приводя описание этих процессов, Андрез показывает, сколь глубоко он знаком с тайнами духовного мира. Из всех сил души, которые развиваются еще

в чувственном мире, одна лишь любовь остается неизменной при переходе души в мир духа. Помогать слабым людям в меру сил, какими располагаешь сам, бывает возможно в чувственном мире, но точно таким же образом это может совершиться и при помощи того, что человек приобрел в духовной области.

По тому, как Андреэ изображает изгнание из духовного мира незаконно в него проникнувших, видно, что он в своем произведении пытается довести до сознания современников, насколько может быть далек от мира духа, а значит, и от подлинной действительности человек, хотя и знакомый со всевозможными описаниями путей к этому миру, но по сознанию своему чуждый действительно внутреннему преображению души. Непредвзятое чтение «Химической Свадьбы» обнаруживает, что одна из целей автора — сказать своим читателям, как вредны для истинного развития человечества те, кто вторгается в жизнь под влиянием побуждений, неправильным образом связанных с духовным миром. Андреэ ожидал, что именно в его время будут установлены правильные, исходящие из правомерного познания духовных основ бытия социальные, моральные и прочие, связанные с человеческим обществом, цели. Поэтому в своем изложении он старается вывести на свет все, что наносит ущерб прогрессу человечества, формируя свои цели исходя из неправильной связи с миром духа.

На третий день, после того как он переживает изгнание незаконных пришельцев, брат Розенкрейц ощущает, как в нем пробуждается возможность использовать рассудочную способность таким образом, чтобы она находилась в согласии с духовным миром. Обладание этой способностью предстает перед душой в *имажинации единорога*, склонившегося перед львом. Лев своим рыком вызывает голубя, который приносит ему масличную ветвь. Лев эту ветвь проглатывает. Тот, кто хотел бы трактовать этот образ как символ, а не как действительную имагинацию, мог бы сказать, что здесь воплотились в образы те процессы в душе духоиспытателя, благодаря которым он чувствует себя способным мыслить духовное. Но подобная абстрактная идея не выражает всего существа душевного процесса, о котором на самом деле идет речь. Ибо этот процесс переживается таким образом, что сфера самоощущения, в чувственном бытии простирающаяся до границ тела, теперь выходит за эти границы. Ясновидящий переживает в духовном поле существа и процессы, находящиеся за пределами его собственного существа, подобно тому, как человек, находящийся в обычном бодрственном сознании — процессы внутри собственного тела. Когда наступает подобное расширение сознания, прекращаются чисто абстрактные представления и возника-

ют имагинации как необходимая форма для выражения пережитого. Если же кто-то желает, тем не менее, выразить эти переживания в виде абстрактных идей (что, собственно, в очень большой степени необходимо в настоящее время для сообщения духовно-научных познаний), он должен сначала надлежащим образом перевести имагинации в форму идей. Андреэ не делает этого в «Химической Свадьбе», поскольку стремится без каких-либо изменений изобразить переживания духоиспытателя середины XV века: в то время не заботились о том, чтобы переводить пережитые имагинации в идеи и понятия.

Когда способность имагинативного познания становится такой же зрелой, как и у брата Розенкрейца на третий день, тогда душа со своей внутренней жизнью может войти в те области действительности, откуда происходят имагинации. Лишь благодаря этой способности человеку удастся, выбрав какую-нибудь исходную точку, лежащую в духовном мире, по-новому взглянуть на существа и процессы чувственного мира. Он видит, как далеко они были унесены от своего истинного источника, лежащего в сверхчувственной области. Примечательно, что у Андреэ брат Розенкрейц овладевает этой способностью в гораздо большей степени, чем его спутники. Ему удастся увидеть из одной исходной точки духовного мира *библиотеку замка и королевскую усыпальницу*. Эта его способность обусловлена тем, что он может весьма интенсивно использовать собственную волю для работы в имагинативном мире. Его спутники могут созерцать лишь то, что приближается к ним благодаря чужой силе, а не подобной мощной деятельности воли собственной. В королевской усыпальнице брат Розенкрейц узнает больше, «чем написано во всех книгах». Созерцание этой усыпальницы непосредственно связывается с великолепным образом «феникса». В этих созерцаниях открывается тайна смерти и рождения. Эти два пограничных для жизни процесса имеют власть лишь в чувственно воспринимаемом мире. В духовном же мире рождение и смерть соответствуют не становлению и прехождению, но превращению одной формы жизни в другую. Сущность рождения и смерти познается лишь тогда, когда точку зрения для их рассмотрения имеют вне чувственного мира, в той области, где их не существует.

То, что брат Розенкрейц добрался до «королевской усыпальницы» и узрел в образе феникса, как из старого, ушедшего в смерть короля восстает юная королевская сила, Андреэ отмечает особым образом потому, что намеревается изобразить особенный духовный путь — путь искателя знаний середины XV века. Здесь находится *точка поворота времен* в отношении духовных переживаний человечества. Формы приближения человеческой души к

духовному миру, существовавшие дотоле в течение многих столетий, в этот момент времени преобразуются в другие. В области внешней человеческой жизни это преобразование выступает в виде восходящего естественнонаучного образа мышления нового времени и прочих переворотов в жизни народов Земли этой эпохи. Но в том мире, где духоиспытатель исследует тайны бытия, в момент подобного поворота времен обнаруживается, что в душе иссякают силы, действовавшие в определенном направлении, и возникают другие. Несмотря на все катастрофы исторического становления человечества, характер духовного созерцания, начиная с греко-римской эпохи и вплоть до XV века, оставался одним и тем же. Коренящийся в характере инстинктивный рассудок, являвшийся главной душевной силой той эпохи, духоиспытатель должен перенести в поле духовной действительности и там претворить его в силу духовного созерцания. С середины XV века на место этой душевной силы вступает рассудок, работающий при свете полного самосознания и свободный от всех инстинктивных сил. Задача духоиспытателя — возвысить его до созерцающего сознания. В Христиане Розенкрейце как ведущем брате розенкрейцере Андреэ намечает контуры личности, входящей в духовный мир тем способом, который к середине XV столетия прекращается. Переживания «Химической Свадьбы» проводят перед его духовным оком эти процессы угасания одного и зарождения нового способа. Поэтому он должен проникнуть в тайны, которые намерен скрыть от него властитель замка, желавший править духовной жизнью на старый лад. Андреэ намерен обрисовать своим современникам характер величайшего исследователя духа конца уходящей эпохи, который, тем не менее, проницает своим взором в духовной области не только смерть этой эпохи, но и начало эпохи новой. Он обнаруживает, что его современники удовлетворяются традициями древней эпохи и хотели бы включиться в духовный мир в духе этой традиции. Он хотел сказать им: ваш путь бесплоден; тот, кто шел по нему последним, был велик, но узрел его бесплодность. Познайте то, что созерцал он, и это превратится у вас в ощущение, необходимое для овладения новым путем. Андреэ намеревался представить своему времени *духовный путь Христиана Розенкрейца* в качестве завещания, оставшегося от духовных исследований XV столетия; он хотел показать, что следует проявить инициативу в новом способе духовных исследований. Продолжая усилия, начало которым положил Иоганн Валентин Андреэ, духовный исследователь и сегодня должен быть в состоянии понимать знамения своего времени. Он сталкивается с сильнейшим сопротивлением тех духоиспытателей, что хотели бы проложить дорогу в духовный мир посред-

ством обновления или оживления древних духовнонаучных традиций.

Андреэ дает утонченный набросок перспектив познания, которые возникнут благодаря созерцающему сознанию человечества в эпоху, начавшуюся с середины XV века. Христиан Розенкрейц проникает туда, где стоит большой *глобус*, при помощи которого в его душу проникает сознание зависимости земных событий от внеземных космических импульсов. Тем самым символизируется попытка бросить первый взгляд на ту «науку о небе», начало которой было положено в мировоззрении Коперника; впрочем, в этом последнем следует усматривать не более чем начало, поскольку оно может дать только то, что ценно лишь для чувственно воспринимаемого мира. В духе этого начала проводят свои исследования носители естественнонаучных представлений и по сей день. В своей картине мира они видят Землю в окружении «небесных процессов», которые хотят постигнуть лишь с помощью рассудочных понятий. В самой земной области ищут они силы, задействованные в основных процессах становления Земли. Изучая условия становления зародыша новым существом в существе материнском, они смотрят лишь на те силы, которые следует искать в потоке наследственности от земных предков. Они совершенно не осознают, что при возникновении зародыша в земных событиях участвует «небесное окружение», что материнское существо лишь предоставляет место, где внеземной космос формирует зародыш. Причины исторических событий этот образ мышления ищет исключительно в фактах, предшествовавших этим событиям в земной жизни. Он не смотрит на внеземные импульсы, оплодотворяющие земные факты таким образом, что из событий одной эпохи происходят события следующих. Этот образ мышления вряд ли допускает, что безжизненные земные процессы могут испытать на себе влияние чего-то внеземного. Перспектива органичной, духовной «науки о небе» открывается Христиану Розенкрейцу: она уже не может мыслиться на манер старой астрологии, которая в своем отношении к сверхчувственному покоится на тех же основаниях, что и коперникианство — в отношении чувственного.

Примечательно, как верно трактует Андреэ имагинативную жизнь в «Химической Свадьбе». Все, что подступает к Христиану Розенкрейцу в качестве открывающего себя знания, в котором не задействована его собственная воля, он принимает посредством силы, представленной в женских образах. Там, где духоиспытатель пролагает себе путь посредством собственной воли, это обстоятельство становится зримым благодаря образу мальчика-проводника, образу мужского начала. В человеке, независимо от

того, каков он как чувственное существо — мужчина или женщина, мужское и женское начало властвуют как полярные противоположности. В своих характеристиках Андреэ исходит из этого воззрения. Сила представления может быть правильно сопоставлена с волевым началом, если это сопоставление будет представлено в образах, напоминающих о соотношении женского и мужского начала в чувственном мире.

Чтобы избежать недоразумений, мы, однако, опять вынуждены заметить, что имагинации мужского и женского начал не следует путать с отношениями между мужчиной и женщиной в чувственном мире: они так же мало связаны друг с другом, как проявляющиеся в созерцающем сознании имагинации животных форм с животной природой, с которой расхожий дарвинизм связывает человечество. В настоящее время некоторые полагают, что благодаря сексуальной физиологии можно проникнуть в сокровенные тайны бытия. Даже поверхностного знакомства с подлинным духоведением достаточно, чтобы убедиться: подобное устремление не вводит в тайны бытия, но уводит от них весьма далеко. И в любом случае, нелепость — хоть каким-либо образом связывать мысли такой личности, как Андреэ, с представлениями, которые имеют хоть какое-то отношение к сексуальной физиологии.

Самым ясным образом указывает Андреэ на важную тайну, заложенную в его «Химической Свадьбе», когда говорит о «деве», стоящей в особенно тесной связи с духоиспытателем. «*Дева*» — имагинативная репрезентация сверхчувственного знания, которое, в противоположность «семи свободным искусствам», обретающимся в чувственном поле, извлекается из духовной области. «*Дева*» загадочным образом сообщает свое имя, и имя это — «*Алхимия*». Тем самым Андреэ хочет сказать, что истинная алхимия является наукой другого рода, нежели те, что вытекают из обычного сознания. По его мнению, алхимик совершает свои манипуляции с чувственно воспринимаемыми силами и веществами не потому, что намерен познакомиться с действием этих сил и веществ в чувственном мире, но потому, что стремится к откровению сверхчувственного через чувственные процессы. Он желает сквозь чувственные процессы видеть сверхчувственные. То, что он делает, отличается от исследований обычного естествоиспытателя *способом* рассмотрения процесса.

К переживаниям «третьего дня» относится и полное преодоление веры, что тот способ суждений, к которому человек привык в мире чувств, может в своем неизменном виде служить ведущей силой в сверхчувственном мире. В обществе, в котором оказывается на какое-то время Христиан Розенкрейц, ему предлагают

вопросы, и все они ведут к тому, чтобы человек в ответ воздержался от решения. Так указывается на ограниченность обычной способности суждения. Действительность богаче, чем способность принимать решения, заложенная в рассудке, тяготеющем к чувственному миру.

После изображения этих переживаний Андреэ выводит на сцену «королеву»; таким образом, он связывает Христиана Розенкрейца с областью сверхчувственного знания, символизируемого королевой — с теологией. Характеризуется ее воздействие на нрав человека. Особенно важно, что духоиспытателя после всех этих переживаний в следующую ночь посещает *сновидение*, показывающее ему дверь; он хочет открыть ее, но это ему долго не удается. Именно такой образ соткался в его душе вследствие мнения, что ему не следует трактовать все предыдущие переживания как что-то, имеющее самостоятельную ценность. Они лишь производят в нем некую силу, нуждающуюся в дальнейшем укреплении.

Решающим для определения позиции духоиспытателя в сверхчувственном мире становится «четвертый день». Духоиспытатель вновь встречает льва. *Древняя надпись*, принесенная ему львом, в сущности, содержит требование приблизиться к источнику, из которого проистекают инспирации духовного мира. Души, желающие остаться только на ступени имагинативных переживаний, могут в известной степени лишь *читать* в духовном мире и применять силу собственной воли для того, чтобы понимать его откровения. Если же в сверхчувственный мир должна войти полная сила человеческого «Я», тогда это «Я» должно принести в духовный мир и собственное сознание. В духовном мире душа должна вновь найти свое «Я» с его чувственными переживаниями. В сверхчувственном состоянии должно в известной мере всплыть воспоминание о способе переживания, свойственном чувственному миру. Андреэ изображает это, введя в число опытов «четвертого дня» «комедию», то есть символ процессов чувственно воспринимаемого мира. Созерцая этот приобретенный в сверхчувственной области символ чувственного мира, «Я» духоиспытателя усиливается настолько, что ощущает прочную связь между тем членом души, который живет в сверхчувственном начале, и тем, что действует посредством тела в чувственном мире.

Глядя, как точно выбирает Андреэ манеру повествования, можно убедиться в том, что он самым серьезным образом намеревался говорить со своими современниками о пути, ведущем в духовный мир сообразно той эпохе в человеческом развитии, которая зарождается с XVI века и в начале которой чувствует себя поставленным автор «Химической Свадьбы». Причина, по которой

исполнение идеальных требований, предъявленных Андреэи своим современникам, встретило тяжелые препятствия, состоит в опустошении, вызванном беспорядками Тридцатилетней войны и всем, что они внесли в новое время. Но прогресс в развитии человечества возможен, лишь если личности, настроенные подобно Иоганну Валентину Андреэ, способны противопоставить тормозящим силам некоторых мировых потоков истинную силу созидания.

Удалось ли Андреэ изобразить в Христиане Розенкрейце духоиспытателя, который, будучи на пути, берущем начало в духовном опыте истекшей эпохи, смог указать на новый, соответствующий новому отрезку времени? Утверждать это можно, только если удастся показать, что последние «дни» «Химической Свадьбы», повествуют о переживаниях, открывающих перспективы в эти новые времена; показать, что Христиан Розенкрейц сможет перенести свое «Я» в этот период времени.

Самым значимым переживанием «четвертого дня» для Христиана Розенкрейца было его представление королям и последующая их казнь через обезглавливание. Автор «Химической Свадьбы» указывает на сущность этого переживания посредством *символов, помещенных на малом алтаре*. В этих символах человеческая душа может созерцать свою связь со Вселенной и ее становлением. В подобных символах духоиспытатели всегда пытались познакомить душу с тем, как ее собственное существо живет в существе космоса. Посредством «Книги» указывается на мыслительное содержание человека: это объективные мирозозидающие мысли, влившиеся в душу в соответствии с человеческой организацией. «Светильник» указывает, как мирозозидающие мысли, действующие во вселенной в качестве светового эфира, в человеке играют роль воспитующего и просвещающего познавательного начала. То, что в эту игру включается *Купидон*, раздувающий светильник, связано с воззрением духоиспытателя, согласно которому сущностное начало, в качестве эфира лежащее в основе всякого бытия и становления, видится как две полярно расположенные силы: свет и любовь. Но суждение об этом воззрении будет верным лишь в том случае, если в физическом свете и действующей в физическом мире любви будут видеть материально действующие откровения духовных первосил. В духовной первосиле света живет и действует созидательный мыслительный элемент мира, а в любви — созидательный элемент воли. Среди символов находится и «Сфера», предназначенная показать, каким образом человеческое переживание находится внутри вселенского переживания в качестве составной части этого последнего. «Часы» говорят о вовлеченности души в космический круговорот

времен, подобно тому как и сфера — о включенности ее в пространственное бытие. «Источник», из которого течет кроваво-красная вода, и «мертвая голова со змеей» указывают, каким образом мыслит духопознаватель рождение и смерть в основании мирового целого. Валентин Андреэ применяет в изображении этих символов тот же способ, какой с незапамятных времен использовался в местах собраний некоторых обществ, где посредством подобных символов посвящали в тайны жизни допущенных в эти общества людей. Применяя их таким образом, он показывает, что они, по его мнению, действительно являются имагинациями, заложенными в развитие человеческой души, и что они действительно могут побудить последнюю к восприятию тайн жизни.

Но возникает вопрос: что представляет собой «королевская зала», куда вводят Христиана Розенкрейца, и что он переживает благодаря *присутствию королей и усекновению их глав*? Символы подсказывают ответ. Духоиспытатель должен увидеть, как он с его собственным существом имеет свою основу в существе мирового целого. То, что есть в нем, он должен узреть в мире, а то, что есть в мире, — узреть в себе. Он способен на это лишь в том случае, если в вещах и процессах мира он видит образы действующего и творящего в нем самом. Он приходит к тому, что начинает рассматривать происходящее в нем не только посредством представлений, взятых из души, но видит переживания этой души с помощью образов, изображающих становление мира. Короли предстают перед Христианом Розенкрейцем для того, чтобы показать ему: так живут твои душевные силы в твоём собственном внутреннем существе; а переживание «королей» отражает события, всегда происходящие в душе при определенных условиях. Христиан Розенкрейц предстает перед событиями в «королевской зале» таким образом, что его душа видит в этих событиях *самое себя*. Обезглавливание королей — одно из событий его собственного душевного развития. Он приходит в «королевскую залу» с силами познания, сущность которых все еще такова, какую могли они обрести до вступления в духовный мир. Но посредством вживания в этот мир познавательные силы приобретают опыт, имеющий отношение и к вещественному миру. Не только духовный мир появляется перед душой во всем своем сиянии, но и материальное обнаруживает себя в формах, полное значение которых не может узреть тот, кто в материальной области ограничивается наблюдением ее самой. В опытной форме переживается раскрытие двойственной природы человеческого бытия. Обнаруживается, что силы, лежащие в основе физического роста, задействованы и в тех явлениях, которые принято обозначать

как душевные. Силы памяти, импульсы, формирующие представления, обнаруживают, что в их основании находятся те же физические предпосылки, что и в росте. Только силы роста действуют таким образом, что в детском и юношеском возрасте человека они развиваются по восходящей, а затем идут на убыль, и, придя в упадок, приводят к смерти, тогда как силы памяти и формирования представлений наделяются способностью к саморазрушению с определенного, очень раннего момента в жизни человека. В каждый период бодрствования эти силы истощаются, преодолевая нисходящую и приводящую к разрушению тенденцию, которая во второй половине жизни приводит весь организм к смерти. Во всякий период сна это истощение сил компенсируется, и силы памяти и представления воскресают. Душевный организм помещен в целостный организм человека подобно паразиту, предоставляющему условия для воспоминаний и представлений лишь благодаря тому, что в течение дня он прокладывает дорогу к смерти, по которой в ходе земной жизни направляется весь организм. Таким образом, для духоиспытателя душевный организм становится метаморфозой организма в целом. Душевный организм — это часть целого организма, интенсивно формирующая силы, приводящие в этом последнем к раскрытию жизни между рождением и смертью; эти силы создают здесь основу для жизни представлений. В подверженные дневному разрушению силы душевного организма вливается созидательная мыслительная сущность мира; в человеке она становится жизнью представлений. Главное, чтобы духоиспытатель познал материальные основы душевных процессов в качестве преобразованных общих материальных процессов организма в целом. Таков парадоксальный факт: на пути к духу в первую очередь созерцают материальные условия душевной жизни. И факт этот может послужить поводом для соблазна. Кто-то может остановиться на открытии, согласно которому душевные процессы обнаруживают себя в своем материальном оформлении. И тогда в поисках духа он загонит себя в материалистическое мировоззрение. Но при надлежащем рассмотрении предмета выступит противоположное. В вещественной основе душевной жизни он распознает действие духовных сил, открывающих себя посредством вещественных образований, и тем самым сделает для себя возможным распознавание духа, лежащего в основе как организма в целом, так и течения жизни этого организма.

Итак, Христиан Розенкрейц приобретает важный опыт, открывающий ему алхимию, совершающуюся в природном процессе. Перед его духовным оком происходит пресуществление материальных процессов всего организма. Они предстают таким обра-

зом, что из них начинают высвечиваться душевные процессы, высвечиваться подобно тому свету, который во внешних процессах обнаруживает себя при горении. Но тем самым эти душевные процессы показывают ему и свои собственные границы. Названные процессы соответствуют в целом организму тому, что ведет к смерти. Христиан Розенкрейц поставлен перед «королями» своего собственного душевного существа, перед своим познавательными силами. Они являются ему как то, что единый организм создает посредством метаморфозы. Но силы роста, присущие жизни, преобразуются в силы познания, лишь принимая в себя смерть. И поэтому они могут нести в себе лишь знания о мертвом.

Во все природные процессы включена смерть — благодаря тому, что во всем живет неживое начало. Обычный познавательный процесс направлен только на это неживое. Он понимает неорганическое, поскольку оно мертво; но он понимает и растения и всякую другую живую форму лишь в той мере, в какой они проникнуты неживым. Всякое растение, помимо того, что является живым существом, содержит в себе неорганические процессы. Именно их улавливают при обычном рассмотрении познавательные силы; живого они не улавливают. Оно видимо лишь постольку, поскольку изживается в неживом. Христиан Розенкрейц созерцает смерть своих «королей души», своих познавательных сил, являющихся как данность из метаморфозы материальных сил всего организма, вместо того, чтобы человек переходил от *природной алхимии* к *алхимии-искусству* (т. е. алхимии, культивируемой искусственным образом. — *Перев.*). Подобный переход состоял бы в том, что человек внутри душевной сферы придал своим познавательным силам такой характер, какого они в процессе простого органического развития не приобретут. В познавательных силах необходимо пробудить то, что развивается по восходящей, то, что еще не обглодала смерть. Природная алхимия требует своего продолжения.

Таким продолжением природной алхимии является пятый день работ «Химической Свадьбы». Духоиспытатель в своем созерцании должен проникнуть в процессы, вызываемые природой, когда она производит растущую жизнь. И это творчество природы он должен ввести в силы познания так, чтобы не позволить смерти овладеть этим переходом от процессов роста к душевным процессам. Он принимает от природы силы познания в качестве мертвых существ; он должен их оживить, даровав им отнятое природой, когда она совершала алхимическое превращение, переводя их в силы познания. Приступая к осуществлению подобного замысла, он, однако, может подвергнуться определенному соблазну. Он должен спуститься в область, на которую при-

рода влияет так, что чарами любви высвобождает жизнь из того, что по своей сущности стремится к смерти. Но тут возникает опасность, что его созерцание будет захвачено влечениями, властвующими в низшей области материального мира. Он должен узнать, что в материи, несущей в себе печать смерти, содержится элемент, родственный любви; он и лежит в основе любого обновления жизни. Этот-то таящий в себе соблазн душевный процесс Андреэ знаменует тем, что Христиан Розенкрейц в его повествовании предстает перед Венерой, причем Купидон его отгоняет. Андреэ явственно указывает на то, что для описанного им духоиспытателя этот соблазн не стал непреодолимым препятствием на его пути — не только благодаря его собственной душевной силе, но и благодаря могуществу других сил. Если бы Христиан Розенкрейц шел лишь своим собственным путем познания, то последний с этим испытанием мог бы закончиться. Тот факт, что этого не произошло, указывает, что хотел изобразить Андреэ. Христиан Розенкрейц своим духовным путем должен указать на переход из уходящей эпохи в открывающуюся. Духовные силы, действующие в потоке времен помогают ему пронизать свое «Я» силами познания, отвечающими потребности нового периода. Благодаря этому он может совершить путешествие к «башне», где он принимает участие в алхимическом процессе, в ходе которого мертвые силы познания переживают свое воскресение; благодаря этому на своем пути он приобретает силу, чтобы, слыша *песнь сирен* о любви, не подпасть их искушению. Духовная первосила любви должна действовать на него; но ее откровения в чувственной области не должны сбивать его с пути. В *Башне Олимпа* мертвые силы познания пронизываются импульсами, которые в обычном человеческом организме правят лишь в процессах роста. Так указывается на то, каким образом Христиану Розенкрейцу дозволено участвовать в этом процессе, поскольку развитие его души должно произойти в духе преобразующихся сил времени. В тот момент, когда он должен спать, он выходит в сад, смотрит на звездное небо и говорит себе: «Имея столь благоприятный случай углубиться в астрономию, я обнаружил, что планеты той ночью расположились таким порядком, какой не скоро еще увидишь».

В переживаниях шестого дня будут подробно описаны имажинации, показывающие душе Христиана Розенкрейца, как мертвые силы познания, которые организм создает обычным путем на протяжении всей своей жизни, преобразуются в сверхчувственные силы созерцания. Каждая из этих имажинаций соответствует переживанию, которое душа испытывает в связи со своими собственными силами, когда убеждается на собственном опыте: то, что до сих пор могло пронизывать самое себя лишь мерт-

вым началом, теперь способно сделать живое в-себе-подвижным и познаваемым. Какой-нибудь другой духоиспытатель описал бы отдельные образы иначе, чем Андреэ. Но дело не в содержании отдельных образов, а в том, что в человеке совершается преобразование душевных сил; подобные образы протекают перед ним как отражение этого преобразования в череде имагинаций.

Христиан Розенкрейц изображен в «Химической Свадьбе» как духоиспытатель, чувствующий приближение новой эпохи, когда человечество захочет смотреть на природные процессы иначе, нежели во времена, истекающие с уходом XV века. В эту новую эпоху люди уже не будут, рассматривая природу, вместе с тем созерцать духовное содержание природных вещей и процессов; они дойдут до отрицания духовного мира, ибо посчитают невозможным путь познания, на котором можно прозревать материальные основания душевной жизни и, тем не менее, познавать сущность духовного. Чтобы мочь это, необходимо распространить над материальной основой духовный свет. Необходимо научиться созерцать, как действует природа, когда она преобразует свои творческие силы в душевный организм, посредством которого открывает себя мертвое; нужно подслушать у нее самой тайну того, как дух может противопоставить себя духу, если созидательное действие природы будет направлено на пробуждение мертвых познавательных сил к высшей жизни. Так будет развиваться познание, которое как духопознание займет свое место в действительности. Ибо подобное познание является очередным отпрыском на живущем существе мира; благодаря ему продолжается развитие действительности, простирающее свою власть от первоначал бытия до жизни человека. Только то, что в зачаточном виде имеет к этому предпосылки в природе, может быть развито как высшие познавательные силы, только задержанное самой природой на той стадии метаморфозы бытия, когда должны были развиваться силы познания мертвого. Можно было бы возразить, что такое продолжение природной деятельности за пределами ее самой применительно к тому, чего она достигает в человеческой организации, уводит из действительного в нереальное, но тот, кто на самом деле проникает развитие природы, такого возражения не сделает. Ибо это развитие повсюду как раз и состоит в том, чтобы в известный момент удержать поступательное движение сил роста, благодаря чему на определенной ступени бытия обеспечиваются бесконечные возможности формообразования. Так и в человеческой организации фиксируется одна из этих формообразующих возможностей. Но подобно тому, как такая возможность хотя и запечатлевается в зеленом листе растения, однако образующие силы вегетации все-таки пересту-

пают эти конструктивные границы, чтобы зеленый лист стал на более высокой ступени окрашенным цветочным лепестком, так и человек может продвинуться от построения своих познавательных сил, направленных на мертвое, к формированию их на более высокой ступени. Он переживает на опыте реальный характер такого продвижения, когда заметит, что в нем возник душевный орган, способный воспринимать дух в его сверхчувственном откровении, подобно тому как превращение зеленого листа в окрашенный цветочный орган растения подготавливает способность к образованию плода.

После удачного завершения этого искусственно-алхимического процесса Христиан Розенкрейц получает звание «Рыцаря Златого Камня». Если бы кто-нибудь пожелал описать всю литературу на тему о «златом камне» — как серьезную, так и гораздо более обширную недобросовестную, — получился бы весьма обширный исторический очерк. В настоящей статье мы не преследуем подобной цели. Но все-таки следует сообщить, что можно узнать об этом выражении, исследовав литературу на данную тему. Те личности, к которым стоит отнести всерьез, употребляя это выражение, желали с его помощью обозначить нечто такое, в чем можно созерцать мертвую природу камня так, чтобы распознать в нем связь с живым становлением. Серьезный алхимик верил, что можно вызвать искусственные алхимические процессы, использующие мертвое, минеральное, в которых, однако, если их правильно наблюдать, можно познать кое-что из того, что происходит, когда сама природа вплетает мертвое в живое становление. Через созерцание вполне определенных процессов в мертвом он намеревался уловить следы созидательной деятельности природы и, тем самым — сущность духа, властвующего в этих явлениях. Символом мертвого, которое познается в качестве откровения духа, и является «златой камень». Кто изучает труп в его непосредственном текущем бытии, тот заметит, как мертвое включено в общий природный процесс. Но *этому* всеобщему природному процессу противоречит форма трупа. Форма эта может быть лишь результатом жизни, пронизанной духом. Всеобщий природный процесс должен разрушить то, что было сформировано благодаря этой жизни, пронизанной духом. Алхимик считает, что для обычного человеческого познания природа в целом — есть то, о чем можно узнать столько же, сколько о живом человеке по трупу. Высшее познание должно найти применительно к явлениям природы то, что относится к ним так, как пронизанная духом жизнь — к трупу. Это и есть стремление к «златому камню». Андреэ говорит об этом символе так, что можно заметить: он полагает, что понять, как надо обходиться со «зла-

тым камнем», может лишь тот, кто прошел через переживания изображенных им шести рабочих дней. Он хочет показать, что всякий, кто говорит об этом символе, не зная по существу, что такое преобразование познавательных сил, будет иметь дело всего лишь с иллюзией. В Христиане Розенкрейце он стремится изобразить личность, которая, в отличие от многих, может говорить об этих предметах с полным правом. Вопреки вводящим в заблуждение речам о поиске духовного мира он хочет отстоять истину.

Став истинными обработчиками «золотого камня», Христиан Розенкрейц и его товарищи получают *памятку с двумя изречениями*: «Искусство — служанка природы» и «Природа — дочь времени». В духе этих девизов они должны будут работать исходя из своего духовознания. Переживания шести дней можно подытожить, характеризуя этими строками. Природа открывает свои тайны тому, кто в состоянии с помощью собственного искусства продолжить ее творчество. Но подобное продолжение не удастся тому, кто сначала не прислушался к ее воле и не включил ее в свое искусство, кто не познал, что ее откровения осуществляются благодаря тому, что свои бесконечные возможности развития она порождает из лоно времени в виде конечных форм.

Отношения, устанавливающиеся на седьмой день между Христианом Розенкрейцем и королем, символизируют отношение, в котором отныне состоит духоиспытатель к своим преобразованным познавательным способностям. Показывается, что он сам как «отец» порождает их. Его обращение с «первым привратником» также обнаруживает его связь с одной из частей его собственного «Я», а именно с той, которая перед тем, как произошло преобразование его познавательных сил, в качестве «астролога» отыскивала законы, определяющие человеческую жизнь; однако ей было не по силам искушение, через которое проходит духоиспытатель, когда оказывается в том же положении, что и Христиан Розенкрейц, в начале пятого дня представший перед Венерой. Тот, кто подпадает этому искушению, не находит доступа в духовный мир. Он знает достаточно много, чтобы не отдалиться от него совсем, но войти не может. Он должен охранять вход, пока не придет кто-то другой, кто подпадет тому же искушению. Христиан Розенкрейц поначалу думает, что и он подпал тому же искушению и поэтому осужден в свою очередь взять на себя *обязанности стража*. Но на этот раз страж — часть его собственного «Я»; благодаря тому, что он взирает на эту часть посредством преобразованного «Я», он оказывается в состоянии ее преодолеть. Он сам становится стражем своей собственной душевной жизни; но обязанность быть стражем не мешает ему устанавливать свободные

отношения с духовным миром.

Благодаря пережитому в течение семи дней, Христиан Розенкрейц становится духовным исследователем, которому позволено действовать в мире теми силами, что возникли в его душе в результате этих переживаний. Совершаемое им и его товарищами во внешней жизни, будет вытекать из того же духа, из которого вытекает работа самой природы. Своей работой они будут вносить в человеческую жизнь гармонию, ставшую отображением гармонии действующей в природе, и она преодолет противостоящую ей дисгармонию. Присутствие подобных людей в социальном устройстве должно стать постоянно действующим побуждением к оздоровлению жизни. Тем, кто спрашивает: «Каковы наилучшие законы для совместной жизни людей на Земле?» — Валентин Андреэ указывает на Христиана Розенкрейца и его товарищей. Ответ Андреэ гласит: «Не размышления о том, как должно происходить то или иное, могут наладить совместную жизнь, но высказывания людей, стремящихся жить в духе, который хочет высказать себя посредством бытия».

В *пяти пунктах* собрано то, чем руководствуются души, которые хотели бы действовать в человеческой жизни в духе Христиана Розенкрейца. Им должен быть чужд образ мыслей, вытекающий из иного духа, нежели тот, что открывает себя в творениях природы, и они должны предпринимать труды человеческие лишь как продолжатели трудов природы. Они не труд свой должны ставить на службу человеческим влечениям, но сами эти влечения превращать в посредников творений духа. Они должны с любовью служить людям, чтобы в отношении человека к человеку обнаруживалось действие духа. Ничто из того, что мир преподносит им в качестве ценностей, не должно отвлекать их от стремления к тем ценностям, которые во всякой человеческой работе определяет дух. Они не должны наподобие псевдоалхимиков поддаваться заблуждению и путать духовное с физическим. Эти последние полагают, что физические средства для увеличения продолжительности жизни и тому подобное — высшее благо, и забывают о том, что физическое имеет ценность лишь до тех пор, пока оно посредством своего бытия является правомерным откровением лежащего в его основе духа.

В конце своего описания «Химической Свадьбы» Андреэ показывает, как Христиан Розенкрейц «возвращается домой». Во всех своих внешних проявлениях в мире он остается таким же, каким был до испытанных им переживаний. Его новое жизненное положение отличается от старого лишь одним: он несет отныне в себе своего «высшего человека» — правителя своего сознания, и что бы он ни совершил, с этого времени будет тем, что желал бы

совершить через него этот его «высший человек». Переход от последнего переживания седьмого дня к обретению себя вновь в привычном окружении уже не описывается. «Здесь не хватает примерно двух листков in quarto». Можно себе представить, что нашлись люди, которым было особенно любопытно, что же такое содержали эти *утерянные страницы*. Ну что ж, это как раз тот опыт, который может быть приобретен только тем, кто благодаря своему собственному индивидуальному переживанию знаком с процессом пресуществования души. Такой человек знает, что все, ведущее к этому переживанию, имеет общечеловеческое значение, и сообщается точно так же, как сообщается пережитое во время какого-нибудь путешествия. Но восприятие содержания этих переживаний обычными людьми, напротив, является чем-то совершенно личным, у каждого человека иным, и никем не может быть понято в том же смысле, какой вкладывает в их описание сам переживший. То, что Валентин Андреэ опустил изображение этого перехода в старую привычную жизнь, можно расценить как лишнее свидетельство в пользу того, что в «Химической Свадьбе» выказывается поистине знаток всех тех предметов, которые в ней должны быть изложены.

Предшествующее изложение является попыткой характеризовать то, что выражает «Химическая Свадьба», если рассматривать ее содержание с точки зрения, занимаемой автором этого изложения. Надо было обосновать суждение, согласно которому сочинение, опубликованное Андреэ, должно задавать направление, какого следует придерживаться тому, кто желает узнать об истинном характере высшего способа познания. В наших рассуждениях мы хотели бы также подчеркнуть тот факт, что в «Химической Свадьбе» изображен особый способ духовопознания, практикуемый с XV века. Кто толкует содержание сочинения Андреэ так же, как это делает автор настоящего изложения, тот понимает его как *историческое сообщение об уходящем корнями в XV век духовном течении в Европе*, которое направлено на познание глубокой связи вещей, лежащей за внешними явлениями мира.

Существует, однако, весьма обширная литература о деятельности Иоганна Валентина Андреэ, в которой обсуждается вопрос о том, действительно ли опубликованные им сочинения могут расцениваться в качестве доказательства существования подобного духовного течения. В упомянутых сочинениях об этом течении сообщают как о розенкрейцерстве. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что Андреэ в своих розенкрейцерских сочинениях позволил себе литературную шутку; так он думал высмеять фантазеров, которые всегда объявляются там, где ведутся таинственные разговоры о высшем познании. Тогда, разумеет-

ся, розенкрейцерство было бы фантазией Андреэ, иллюзорным созданием, издевкой над бредящими или шарлатанствующими мистиками. Автор данной статьи не находит нужным привлекать внимание своего читателя ко всему, что подвергает сомнению серьезность намерений Андреэ; он считает, что правильное рассмотрение содержания «Химической Свадьбы» делает возможным достаточно обоснованное воззрение относительно намерений ее автора. Свидетельства, взятые из области, лежащей за пределами этого содержания, не способны сколько-нибудь изменить это воззрение. Тот, кто верит, что познал внутренние основания в их полном значении, придерживается взгляда, согласно которому следует оценивать значение внешних документов с помощью этих внутренних оснований, а не наоборот — судить о внутреннем по внешнему. То, что данная статья не относится к чисто исторической литературе о розенкрейцерстве, не означает отрицания исторического исследования как такового. Просто имеется в виду, что с вышеизложенной точки зрения подробное обсуждение литературы о розенкрейцерстве не представляется необходимым. Добавим лишь несколько замечаний. Известно, что рукопись «Химической Свадьбы» была закончена уже в 1603 году. Но в свет она вышла лишь в 1616 году, после того, как в 1614-м Андреэ опубликовал другой розенкрейцерский трактат, «Fama Fraternitatis R.C.» («Откровение братства Р.К.»). Это последнее произведение и дало, в основном, повод считать, что Андреэ говорил о существовании общества розенкрейцеров лишь в шутку. Данное мнение подтверждается тем, что впоследствии сам Андреэ обозначал словом «розенкрейцерство» нечто такое, что он не намерен был защищать. В его поздних трактатах и письмах можно встретить замечания, которые, кажется, невозможно истолковать иначе, как желание сочинить легенду о подобном духовном течении с целью подурочить любопытных и фантазеров. Но прибегающие к подобным свидетельствам, обычно упускают из виду, к каким недоразумениям приводили сочинения вроде тех, что опубликовал Андреэ. То, что он говорил о них позднее, может быть правильно расценено, лишь если мы вспомним, что он был вынужден говорить после того, как появились противники, которые стали клеймить обозначенное духовное направление как злейшую ересь; что стали появляться «последователи» — выдумщики или шарлатаны-алхимики — и стало извращаться все, что разумелось под розенкрейцерством. Но даже если принять все сказанное во внимание, если даже допустить, что Андреэ, позднее показавший себя более чем пиетистски настроенным автором, вскоре после выхода в свет розенкрейцерских трактатов в какой-то мере опасался, что его сочтут человеком, исповедую-

щим изложенные в них взгляды, такая трактовка все равно не позволит составить сколько-нибудь обоснованное мнение об отношении этой личности к розенкрейцерству. Ведь даже когда заходят так далеко, что пытаются опровергнуть авторство Андреэ касательно «Откровения», в отношении «Химической Свадьбы» таких желаний, имеющих историческое обоснование, не возникает.

С исторической точки зрения необходимо рассмотреть проблему еще раз под другим углом. «Откровение братства» было выпущено в свет в 1614 году. Оставим пока вопрос о том, собирался ли Андреэ в этом сочинении обратиться к серьезному читателю, чтобы говорить с ним о духовном направлении, обозначенном как розенкрейцерство. Два года спустя «Откровения» публикуется «Химическая Свадьба», которая уже тринадцать лет, как была закончена. Андреэ в 1603 году еще совсем молодой человек — ему всего семнадцать. Неужели к тому времени он уже был настолько зрелым, чтобы для борьбы с фантазерами своего времени выкинуть такую шутку, потехи ради подсунуть им в качестве розенкрейцерства творение своего воображения? Если же в «Откровении» (которое, впрочем, уже в 1610 году читали в рукописи в Тироле) он собирался говорить о том розенкрейцерстве, к которому относился всерьез, как могло получиться, что он еще совсем молодым человеком составляет тот самый трактат, «Химическую Свадьбу», которую опубликует через два года после «Откровения» как сообщение об истинном розенкрейцерстве? Вопросы по поводу Андреэ на самом деле кажутся настолько запутанными, что их чисто историческое разрешение весьма затруднительно. Никакому историку не стали бы особенно возражать, если бы он попытался показать правдоподобность предположения, что Андреэ задолго до этого нашел манускрипт (который, скажем, находился во владении семьи), содержащий «Химическую Свадьбу» и «Откровение», по каким-то причинам в юности опубликовал их, но позднее не пожелал иметь ничего общего с обсуждаемым в этих сочинениях духовным направлением. Но если дело обстояло таким образом, почему Андреэ не оставил об этом прямого сообщения?

С помощью духовной науки можно прийти к совершенно иным результатам. Содержание «Химической Свадьбы» не следует выводить из собственной способности суждения и жизненной зрелости Андреэ, которых он достиг ко времени, когда составлял это сочинение. Его содержание свидетельствует, что оно составлено исходя из *интуиции*. Такое сочинение может быть записано расположенными к тому людьми, даже если их собственная способность суждения и жизненный опыт не удовлетворяют тому, что

они записывают. И все же то, что записывается, может оказаться сообщением о какой-то реальности. «Химическая Свадьба» как сообщение о реальном духовном течении по самому своему содержанию требует истолкования в обозначенном здесь смысле. Предположение, что Валентин Андреэ написал его, исходя из интуиции, объясняет и позицию, занятую им позднее относительно розенкрейцерства. В молодости он был расположен к тому, чтобы, исходя из самого этого духовного течения, описать его; но его собственный способ познания не соответствовал описанному. Впрочем, этот собственный способ познания начнет развиваться потом — в теологе-пиетисте Андреэ. Духовное расположение, открывающее доступ интуиции, уходит из его души. Позднее он сам будет философствовать о том, что записал в юности. Он делает это уже в 1619 году, в сочинении «Turrigis Babel» («Вавилонская башня»). В его душе еще не полностью проявилась связь между поздним Андреэ и тем, который в юности писал, исходя из интуиции. Трактую позицию Андреэ относительно содержания «Химической Свадьбы», следуя предпринятому здесь способу, необходимо рассматривать само содержание произведения, а не брать в расчет, как в то или иное время высказывался его автор о своем отношении к розенкрейцерству. То, что могло быть обнаружено по поводу этого духовного течения во времена Андреэ, было обнаружено с помощью подходящих для этого личностей. Если кто-то с самого начала полагает, что духовная жизнь, действующая в мировых явлениях, не может обнаруживать себя подобным способом, ему придется отвергнуть все здесь сказанное. Но, быть может, найдутся люди, которые без суеверной предвзятости, благодаря спокойному рассмотрению «казуса Андреэ» придут к убеждению, что этот способ сообщения откровений вполне возможен.

Перевод с немецкого О.С.Вартазарян и А.А.Демидова

Примечания

1

Эту первую бурю должен выстоять каждый ученик. Причину этой бури объяснить просто: это столкновение с силами истинной Жизни в сплетениях зева (plexus caristicus). Битва, которая должна произойти в канун Пасхи, с этого начинается. Реакцией на новую нервную деятельность под влиянием изначальной праны будет полная концентрация сил нашей природы с целью направить весь интерес ученика на земной мир. В диком хаосе всевозможных влияний должно выясниться, способен ли ученик уделить внимание приглашению на Свадьбу. Мы читаем, что и Христиан Розенкрейц занят приготовлением своего дорогого пасхального Агнца. Вдруг поднимается сильная буря, грозящая разрушить его «хижину», построенную на «холме». В этом классическом повествовании мы снова находим понятие "Иосиф Аримафейский". Дело в том, что этот человек не является историческим лицом, имеющим такую фамилию. Его имя — это символ каждого человека, начинающего и выполняющего Великий Труд вольного каменщика. В имени «Иосиф» мы видим идею «хижины», или "строительной хижины". "Строительная хижина" — это, по универсальному гностическому учению, рабочее место. В такой "строительной хижине", на таком рабочем месте должен свершиться "Великий Труд": должен быть приготовлен дорогой пасхальный Агнец, то есть Грааль. (Ян ван Райкенборг, Катароза де Петри. Универсальный гнозис) Мы дошли теперь до второй стадии, которую Шри-Шанкарачарья обозначает словом кутичака, что означает "человек, строящий хижину"; а буддисты называют ее сакридагамик, то есть "человек, получающий еще новое рождение". В течение этой стадии не приходится уже порывать никаких цепей, но необходимо приобрести некоторые способности, а именно сиддхи, или психические силы. После второго Посвящения сиддхи должны развиваться, ибо ученик достиг той ступени развития, на которой ожидают его весьма обширные обязанности не только в мире людей, но и в окружающих его иных мирах, находящихся вне плана материального. (Анни Безант. Путь ученичества)

2

В оригинале "прекрасная женщина" (Weib). Ее ангельская природа достаточно ясна из последующего описания. Далее читатель встретится с другими гранями высокого женского образа, кото-

рый проходит через всю книгу

3

In hoc signo vinces — латинская вставка. По преданию, эти слова (в сочетании с крестом) были явлены в видении императору Восточной Римской империи Константину, который сделал христианство государственной религией своей империи. Традиционный перевод этих слов в дореволюционной русской литературе: "Сим победиши".

4

Буквально: "Древняя Госпожа" (Die alte Frau).

5

Дно колодца, описанное в "Алхимической Свадьбе Христиана Розенкрейца", связано с зеркалом подсознания. Последнее находится в крестцовом сплетении, в нижней части системы спинального духовного огня. Золотой луч Света изначальной праны должен проникнуть до самого крестцового сплетения. Этот луч подобен веревке, которую опускают в колодец. Чтобы веревку можно было опустить, необходимо открыть крышку колодца. Его крышка (или покрытие) связана со святилищем головы, в котором находятся семь роз, и каждая из них образует проход в колодец — в подсознание. Только если семь веревок, или семь лучей золотой изначальной праны, опущены в колодец, отражающая работа подсознания может полностью функционировать. Тогда Христиана Розенкрейца могут вытащить из колодца на шестой веревке.

Это сообщение обращает внимание ученика на тот факт, что в момент, когда через шестую розу вовнутрь попадает шестой луч изначальной праны, космическое сознание начинает понимать свое предназначение, свою задачу и присутствие Света изначальной праны. Для завершения всего процесса необходим седьмой луч. До этого часа космическое сознание было полностью связано с диалектическим космосом и исполняло работу, к которой его принуждала диалектическая иерархия или которой он занимался добровольно. Однако с седьмым лучом, с этим направленным на подсознание световым ударом, звучит труба, раздается интенсивный, пронзительный звук, вибрирующий во всем микрокос-

мосе.

При шестом прикосновении космическое сознание воспринимает Святого Духа вне себя; при седьмом прикосновении Святой Дух окончательно входит в систему, и начинается регенерация всей природы.

Вам стало понятно, что здесь речь идет о первом воскресении. Благодаря работе святого семеричного Света, благодаря направленным на крестцовое сплетение семи лучам, в микрокосмическую систему ученика, хорошо исполнившего эту семеричную подготовительную работу, входит истинная Жизнь. Этим пробуждается Жизнь посреди царства смерти. По словам Библии, под руководством этой Жизни смерть будет поглощена победой. В этот момент начинается постепенная смерть небожественной природы, так как изначальная жизненная прана вновь находится в микрокосмической системе.

6

Их истолковывают как *Deus Lux Solis* ("Бог — Свет Солнца") или *Deo Laus Semper* ("Вечная хвала Богу").

7

В оригинале немного иначе; "препоясал чресла алой лентой, крестообразно перевязанной на плечах". Интересно сравнить этот образ с красными крестами на белом епископском оплечье в русских иконах. Далее мы увидим, что сопоставление с русской традицией не столь парадоксально, как кажется на первый взгляд.

8

Хлеб, соль и вода в антропософской интерпретации символизируют соответственно волю, мышление и чувства — качества человека, находящегося в земном мире. При восхождении в мир высший он от них отказывается, приобретая впоследствии новые, более тонкие качества.

9

Здесь можно усмотреть аналогию с путями хатха, бхакти, раджа и джняни-йоги — прим. ред

10

Выбор пути с помощью птиц напоминает об ауспициях — гадании по птичьему полету — в древней Италии.

11

Здесь употреблено именно слово «Дева» (Jungfrau).

12

Поистине верно, что никто не может пройти через эту дверь, если у него не развиты некоторые черты характера, но обусловлено это тем, что стремящийся прогрессировал до определённой стадии раскрытия и сейчас автоматически обладает мерой самоконтроля, ментального понимания и чистоты. Также хотелось бы подчеркнуть, что даже чёрный маг обладает этими же качествами, так как они — обязательное условия любого магического искусства, как чёрного, так и белого; чёрный маг проходит через дверь посвящения, когда она открывается дважды для первых двух посвящений. Он проходит её благодаря силе воли и чертам характера... (Алиса А. Бэйли. Трактат о семи лучах, т. V.)

13

Цветовая символика облачения Девы может быть истолкована по аналогии со средневековым европейским преданием, согласно которому прародительница Ева, срывая яблоко с дерева познания добра и зла, отломив вместе с яблоком ветку. Она воткнула ветку в землю, и из нее выросло дерево — белоснежное, ибо оно было посажено рукой девственницы. Адам познал Еву под этим деревом, и оно стало зеленым, только отростки, появившиеся ранее, остались белыми. Когда Каин убил Авеля, пролив первую кровь на земле, дерево изменило цвет на кроваво-красный (опять же с сохранением цвета прежних ростков). Появление в тексте "Химической Свадьбы" этой цветовой триады, связанной с познанием

добра и зла, вероятно, указывает на взвешивание добродетелей, описанное ниже.

14

Отделение людей достойных от недостойных с помощью весов напоминает известную многим народам психостазию (взвешивание души). Психостазия совершается после смерти человека, но ведь и посвящение в тайны мира всегда рассматривалось как смерть и последующее воскресение (вспомним название членов высших каст Индии: "дваждырожденные").

15

Буквальный перевод оригинала: "преподнесли... Золотое Руно с Летающим Львом на нем". В дальнейшем повествовании образ льва примет несколько иные формы.

16

Понять сцену суда помогают традиционные описания загробного мира, в частности, тибетская "Книга мертвых": жестокая судьба недостойных — это не зло, причиненное им извне, но мучительное изживание ими собственных пороков. "Глоток Забвения", знакомый нам по античной мифологии, обязателен для душ, которые возвращаются в земной мир.

17

Единорог, лев и голубь часто встречаются в геральдике и алхимии. Здесь их правильнее рассматривать в общем контексте книги.

18

Многогранный образ птицы Феникс связан с мифологией значительной части древней Евразии и Африки. При чтении "Химической Свадьбы" важно помнить, что Феникс — символ добро-

19

Система алгебраических уравнений, которую можно составить по задаче Девы, не дает однозначного решения. Однако число букв в алфавите ограничено, и это позволяет выбрать следующий вариант, ставший каноническим при объяснении "Химической Свадьбы": $ALCHIMIA$ ($1+12+3+8+9+13+9+1=56$). Имеется в виду обозначение букв средневекового латинского алфавита числами 1,2,3 и т. д.

20

Герцогиню сопоставляют с теологией — наукой более высокой, нежели алхимия.

21

Три пленения Принцессы можно истолковать как судьбу человечества во времена Лемурии, Атлантиды и в современную эпоху: это третья, четвертая и пятая расы, согласно учению теософии и антропософии. Шестая, более совершенная раса уже не будет испытывать прежних страданий.

22

В Часовне Света на Пути или Часовне Света — названной так потому, что она всегда освещена сверкающими на ее стенах драгоценными камнями и ослепительным сиянием слов — находится большая книга с замками, которые могут быть замкнуты. Большею частью книга эта закрыта и замкнута. В Страстную Субботу она лежит открытой на высоком аналое, на котором находится только она одна. Она содержит данные учениками обеты в том, что они выполнят в мире различные задачи; сюда приходят те, что хотят трудиться для человечества, и подписывают свое имя под данным им обетом. Когда это сделано, их ведут дальше к Часовне Деятельности, где их ожидают места за большим столом, который иногда имеет вид стола для работы, а иногда престола

причастия с чашей горечи каждому для питья. Но в этой чаше содержится также мистическая сила, составляющая основу обряда Святого Причащения. Если ученик посягнул на слишком высокую ступень, когда он подписывал свое имя в книге, он падает без чувств и исчезает при входе в часовню и его подпись и исчезает из книги. Все усилие бывает стерто, как будто его и не было. Он может и не помнить его в своей физической памяти, но в продолжение всего этого воплощения его будет преследовать чувство невыполненного долга, неосознанной ответственности за мир, за его страдания и за его грехи. И в том же воплощении он не может уже повторить это усилие. Если его сила не ослабеет во время мистического обета деятельности, он вводится в Часовню Деятельности, где и находит свое место, и где его ожидает его горькая чаша. Раньше или позже она будет дана ему для питья. Некоторые изнемогают и исчезают со своих мест за этим столом; они уже не в состоянии вернуться к нему. Но когда они уже достигли этого места их обет остается вписанным в книгу и их имена не исчезают, но остаются неизменными. От времени до времени, когда они приходят в часовню света, книга открывается для них, чтобы они увидели свои имена, вписанные их собственной рукою. Приниженные и пристыженные, безмолвно выходят они. Невыполненный обет держит их в своей власти между воплощениями и они ищут места в Часовне Деятельности. В день Светлого Воскресения столь в этой часовне весь занят; все, кто в состоянии прийти, призваны к нему. Сам Христос сидит за столом, обращаясь к духовной природе учеников, и каждый из присутствующих пьет вино жизни.

23

В алхимии обезглавливание трактуется как одна из стадий превращения вещества. В конечном итоге процесс завершается образованием золота — оживлением казненного персонажа. Некоторые шаманисты полагают, что шаман способен, лишившись головы из плоти и крови, заменить ее золотой. Однако символика "Химической Свадьбы" и в этом случае сложнее алхимических аллегорий, и мы в дальнейшем попытаемся раскрыть ее более глубоко.

24

Имеется в виду сон, описанный в Дне первом.

25

Материальная сфера/зеркальная сфера: две половины существования диалектического природного порядка. Материальная сфера — это сфера, в которой мы живем в нашем материальном проявлении. Зеркальная сфера — это сфера, в которой, среди прочего, проходят различные процессы между смертью и новым воплощением. Помимо сфер ада и чистилища, она состоит и из области, называемой в природной религии и в оккультизме «небом» и "вечной жизнью". Однако эти небесные сферы и жизнь там подвержены, как и жизнь в материальной сфере, закону времени и распада. Итак, зеркальная сфера — это временное место пребывания мертвых, что не значит, что умершая личность получает там новую жизнь, так как существование четверичной личности не продолжается. Только самое глубинное зерно сознания, духовная молния, или диалектическая искра, временно возвращается в существо ауры и создает базу сознания для новой личности, которая строится существом ауры вместе с силами, действующими в матери. Духовное Солнце — изначальное поле Духа, называемое также *Vulcanus*, которое окружает и пронизывает со всех сторон всю нашу планетную сферу. Видимое нами Солнце является точкой концентрации (фокусом) жизненного поля диалектики. Не имеет веских оснований считать, что данный комментарий относится именно к этому отрывку — ред.

26

В определенный момент в микрокосмосе живут два существа: совершающий эндурю старый человек, человек-Иоанн, и манисолирующий новый Человек, человек-Иисус. И там, где они встречаются, человек-Иоанн говорит, указывая на человека-Иисуса. "Ему должно расти, а мне умаляться." Об этом же говорится в "Алхимической Свадьбе Христиана Розенкрейца". Там птица готовится к самопожертвованию, и из этого алхимического процесса рождаются новый король и новая королева, новый *Adamas* и новая *Nevah*, то есть новая Душа

27

Новый король называет брата-иоаннита своим отцом, ибо он спас его, дал ему родиться через свое самопожертвование — жерт-

вуя хлебом, водой и солью, то есть во имя Отца и Сына и Святого Духа. Все те, кто таким образом приняты в чудесный, двойной алхимический процесс и посвящены в рыцари Золотого Камня, должны дать следующий обет: "Вы, господа рыцари, должны поклясться, что никогда не посвятите свой орден ни дьяволу, ни духу, а только одному Богу, вашему Творцу, и служащей Ему природе,